

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ

ПРЕДАТЕЛЬ ЖРЕБИЙ НЕ БРОСАЕТ
Сергей САМАРОВ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Предатель жребий не бросает

«Автор»

2007

Самаров С. В.

Предатель жребий не бросает / С. В. Самаров — «Автор»,
2007 — (Спецназ ГРУ)

В ходе боевой операции в Чечне группа спецназа ГРУ под командованием подполковника Разина захватила шестьдесят килограммов чистейшего героина. На эту опасную добычу слетелось огромное количество хищников – от бандгруппировок до местного высокого начальства. Дело поворачивается еще круче, когда героин... исчезает. Это говорит лишь об одном – рядом предатель. Теперь группе подполковника Разина предстоит выполнить сложную задачу: найти и уничтожить наркотик, а заодно выявить и уничтожить предателя...

© Самаров С. В., 2007

© Автор, 2007

Содержание

ЧАСТЬ I	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
1	5
2	11
ГЛАВА ВТОРАЯ	19
1	19
2	25
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	32
1	32
2	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Самаров

Предатель жребий не бросает

ЧАСТЬ I

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Жители, слегка испуганные и ничего не понимающие, собирались вдали. Обсуждали что-то громко, друг у друга о чем-то спрашивали, хотя больше других никто и не знал, и мог только предполагать, что произошло, но близко к кварталу, чтобы принести новости остальным, ни один из жителей не подходил, хотя оцепления, вопреки обыкновению, пока выставлено не было. Причина отсутствия оцепления проста – некому было в оцепление встать... Однако и без оцепления желающих получить случайную, а то и не случайную пулю не находилось. По этой же весомой причине жители заперли дома всегда любопытных детей...

Бой, вопреки ожиданиям, затянулся, вызывая еще большее общее недоумение... И автоматные очереди уже не стали такими активными, похожими на одну бесконечную и слегка рваную... Только время от времени вспыхивала активность, потом снова гасла, и непонятно было, что происходит и был ли какой-то результат от предыдущей вспышки...

* * *

Слишком мало было в поселке Железнодорожный собственных сил, чтобы сразу справиться с обнаруженной бандой и ликвидировать ее до того, как бандиты сориентируются, чтобы организовать и оказать правильное сопротивление. Больших сил здесь не держали, потому что место считалось всегда спокойным. А бандитов и обнаружили-то совершенно случайно. Два человека ехали на стареньком, со всех сторон помятом «Форде Сьера», и ментовскому старшему лейтенанту Сулейманову, только что вышедшему из своего «уазика», отчего-то вздумалось даже не жезлом, а рукой махнуть, желая остановить «Форд». Он уже дважды за день видел издали эту машину в поселке, не знал, кто в ней ездит, и пожелал полюбопытствовать...

В ответ, пресекая ментовскую любознательность, раздалась жесткая автоматная очередь... Всего-то с нескольких метров... Хорошо еще, что в грудь, прикрытую бронежилетом. Только накануне Сулейманов за вечерним чаем рассуждал о прочности бронежилета со своими товарищами из башкирского СОБРа, такими же командированными в Чечню, как и он.

– Не верю я в эту хреновую тяжесть... Если бы издали, когда пуля на излете, тогда ладно... И, конечно уж, не прямое попадание... Тогда, может, и спасет... А так... Только плечи к вечеру чужими становятся, словно у какого-то грузчика их позаимствовал... – Он плечами пошевелил, словно все еще ощущал на них тяжесть бронежилета. У старшего лейтенанта были очень сильные и даже мощные руки, но худоватые по сравнению с руками плечи, и не широкие, хотя и жилистые, твердые. Сидел он в безрукавной тельняшке, и разница между руками и плечами в глаза бросалась.

– А какого же шайтана тогда носишь... – добродушно усмехнулся его собеседник – кругломордый и всегда румяный майор Риза Ялаев, размешивающий сахар в кружке с чаем. – Не носи, никто на тебя насильно его не напялит... Каску же ты не носишь...

И майор легонько толкнул ногой валяющуюся на полу тяжелую каску.

Сулейманов усмехнулся и хитро сощурил узкие глаза.

– Я бы и не носил, если бы всегда в упор стреляли... Меня в прошлом году пуля по касательной задела – искры из бронежилета полетели... Обшивка подгорела... Что смеешься?... Точно... Так и было... Может, пуля какая-то особенная... Поджигательная... Подгорела обшивка...

– Из «поджига» стреляли... – сказал старший лейтенант Скобцев. – Я в детстве, помню, любил «поджиги» делать... Трубку загибаешь, в деревянную рукоятку вставляешь, делаешь перед сгибом пропилил. Набиваешь серой от спичек, в пропилил целую спичечную головку вставляешь... Потом коробком черканешь, и стреляет... Счастья было – полные штаны...

– Все делали... – согласился Сулейманов. – Полные штаны счастья, это ничего... Вот если бы полный бронежилет – это тяжело...

И вот на следующий уже день после такого разговора слова старшего лейтенанта сбылись. Он получил очередь в грудь, с близкого расстояния, под прямым углом, не ожидая того в расслабленности последних дней и не успев даже отпрянуть... Его отбросило на капот «уазика» – сила все-таки у пуль немереная, но бронежилет выдержал...

* * *

Старший лейтенант Сулейманов встал сразу же. Вернее, не полностью встал, а уверенно занял позицию для стрельбы с колена, одновременно вскидывая автомат из подмышки в боевое положение. Щелкнул предохранитель, лягнул затвор – всего-то секунда, а «Форд» уже успел добраться до поворота. Сулейманов умудрился все же дать две короткие очереди, стремясь в водителя попасть и так остановить машину, но слишком торопился. В машину попал, но в водителя, кажется, нет. По крайней мере, «Форд» не остановился...

Но место за рулем, несмотря на полученный сильнейший удар в грудь, старший лейтенант занял сразу же. К счастью ментов, бандиты не додумались даже колеса прострелить – боевого и диверсионного опыта, видимо, не хватило. «Уазик» рванул с места, и два других мента – майор Ялаев и старший лейтенант Скобцев, машину так и не успевшие покинуть, тоже приготовились к стрельбе. Скобцев стал связываться по «переговорке» с отделением милиции, чтобы сообщить о случившемся. Связь была отвратительной, с треском таким, что в ушах щекотало, но сообщение передать удалось.

– Преследуйте! – поступил очень ценный совет от дежурного.

– Преследуем... – зло прозвучало в ответ.

Хорошо, что дорога в поселке была традиционная российская, иначе за «Фордом» на «уазике» было бы не угнаться. Есть, значит, польза от наших дорог, и не всегда их ругать стоит... «Форд» впереди швыряло и бросало на выбоинах, било о раздолбанный асфальт и выхлопной трубой, и защитой картера, и амортизаторами, а ментовская машина эти же выбоины преодолевала, хотя и вздрагивая всем крепким и некрасивым металлическим телом, но более легко и даже на скорости. Водитель «Форда» видел преследователей в зеркало, видел их и пассажир, который из окна высунулся и дал неприцельную автоматную очередь. «Форд» из последних сил пытался оторваться, но это не удавалось – российские дороги были на стороне ментов...

Поворот, еще один поворот... Машина скакала по выбоинам вприпрыжку, клацали зубы пассажиров, расстояние стало заметно сокращаться, но скорость снизилась. После очередного поворота менты увидели «Форд» стоящим прямо посреди дороги, но не увидели людей рядом

или даже вдали – убедившись, что на машине оторваться не удастся, бандиты заскочили в какой-то из дворов.

Но дворов много, как и калиток, – попробуй угадай с ходу, в какой они ринулись...

Шум немолодого и основательно изношенного двигателя «уазика» не позволил сразу услышать лай собаки. Но автоматную очередь, оборвавшую этот лай, менты все же услышали. Обычно она звучит громче, чем собачий лай. Заскрипели тормоза. Ментов от резкого торможения бросило вперед. Но они этого, кажется, не заметили – быстро выскочили из машины, не доехав до «Форда» двадцать метров. Майор Ялаев заметил человека, местного жителя, высывающегося из калитки соседнего двора и настойчивыми взмахами руки показывающего на другой двор, через дорогу – именно туда побежали бандиты.

Железнодорожный поселок война пощадила в сравнении с другими такими же поселками, расположенными дальше от границы с российскими областями. Здесь большинство домов были целыми, и жители за своими дворами ухаживали. И с бандитами, как правило, не сотрудничали, потому что были большей частью людьми торговыми и работающими, в отличие от воинственных горцев, не имеющих ни плодородной земли, ни работы и потому издревле промышляющих абрекским промыслом. Первая мысль, которая появилась у ментов, – бандиты хотят взять заложников... Тактика известная и, как правило, приносящая спасение. Если не всегда, то, по крайней мере, во многих случаях...

Если так, то потом дело перерастет в сложный и длительный процесс с осадой и переговорами. И лучше решить вопрос сразу, пока события не стали статичными...

Удар ногой в калитку – металлическая калитка распахивается с болезненным скрипом и леденящим душу лязгом, хотя с петель и не слетает – тяжела и добротна. Но за калиткой видно дом, и дверь в дом за высоким крыльцом, и большой замок на двери... Значит, здесь, к счастью, нет никого. Однако труп большой кавказской овчарки рядом с крыльцом показывал, что бандиты тут все же побывали.

Первым во двор, предварительно кивнув товарищам с просьбой прикрыть его огнем, бросился, пригнувшись, старший лейтенант Сулейманов. Рывок за калитку, стремительный, целенаправленный – к решетчатой деревянной беседке, которая может послужить хоть каким-то укрытием. Пули над головой не свистят – свиста не слышно потому, что выстрелы свист заглушают. А может, никто и не стреляет навстречу... Майор Ялаев со старшим лейтенантом Скобцевым тоже не знают, куда стрелять, и потому стреляют наугад. Но наугад – это вовсе не значит, что начался массированный расстрел белого света. Всегда примерно можно прикинуть место, откуда чаще всего встречные выстрелы можно ожидать, – угол дома, большие камни во дворе, огораживающие маленький декоративный прудик с растущим в середине островком камыша... О прицельной стрельбе даже думать не надо. Подсознание само подсказывало правильные действия. Летят осколки кирпича от угла дома, со свистом рикошетят и кувыркаются пули, бьющие в камни рядом с прудиком.

Однако встречных очередей нет...

Но вовсе не обязательно, что там, куда пули летят, никто не спрятался. Просто у того, кто спрячется, возможности высунуться для ответной очереди нет. Слишком опасно при таком обстреле высываться, и это знают все, кто под пулями побывал, и даже большинство тех, кто не побывал и надеется не побывать никогда...

Теперь старший лейтенант Сулейманов, заняв новую позицию, автомат поднял и перехватил цель. Ему угол дома лучше видно, видно и часть того, что за углом происходит. Но именно потому, что он лучше видит, он стреляет меньше. А майор Ялаев теперь свой рывок совершил. И тут прозвучала первая встречная очередь. Старший лейтенант Скобцев сразу определил, что стреляют из соседнего двора через каменный забор, и туда переключился. Пули выбивали из кирпичного забора красную пыль, но пробить его не могли – забор основательный...

Никто не объяснял ментам, почему бандит не пожелал убежать подальше. Это сами поняли все трое – если не убежал, если пытается стрелять, значит, здесь, во дворе, остался его сообщник. И бандит его прикрывает, дает возможность сообщнику через забор перепрыгнуть. И, конечно, не обязательно дружеские чувства заставляют его забыть о чувстве самосохранения и подавить естественный страх. Просто в один момент ты прикрываешь, в другой момент прикрывают тебя. Вдвоем отбиться значительно легче, чем одному.

Майор Ялаев позицию занял рядом с собачьей будкой. Собака уже не могла ему помешать... Несколько очередей со второй точки заставили ствол автомата бандита спрятаться. Тогда и старший лейтенант Скобцев рывок совершил. Он свое дело знал хорошо. Скобцев – левша, как стрелок, хотя в жизни все делает правой рукой. Но приклад у старшего лейтенанта всегда в левое плечо упирается. И именно ему, следовательно, надо обходить дом с левой стороны, чтобы стрелять вправо. Без команды старший лейтенант сразу и направился в левую сторону. Около угла на землю упал. Выглянул только рядом с самым фундаментом. Убедился, что там безопасно, и новый рывок сделал – к следующему углу. Бою в городских условиях собровцев обучают лучше, чем солдат. А это целая наука!.. И потому они сразу, без подсказки, выполняют необходимые действия, страхуя друг друга и занимая наиболее выгодную для каждого позицию...

Ялаев и Сулейманов не видели, как старший лейтенант до следующего угла добрался, но поняли это, когда оттуда очередь прозвучала. Одна, потом вторая, потом третья...

– Готов... – крикнул старший лейтенант.

Ялаев с Сулеймановым стремительно к забору бросились. Оба увидели, что позицию для стрельбы и цель они выбирали правильную. Убитый Скобцевым бандит лежал за каменной грядой, которую обстреливал сначала сам Скобцев, потом Ялаев. Рядом большая лужа крови растеклась. Похоже, это был водитель «Форда», и Сулейманов все же ранил его одной из первых своих очередей, а второй старший лейтенант группы добил раненого. Но задерживаться и рассматривать бандита никто не собирался.

Оказавшийся по центру забора майор Ялаев чуть-чуть присел, готовый к активным действиям, а два старших лейтенанта одновременно вскочили на забор с краев. Как и полагается – левша Скобцев слева, Сулейманов справа. И сразу дали вдоль забора по короткой очереди. И только после этого перепрыгнули в соседний двор. Следом за ними и майор через забор перемахнул. Его прыжок совершался уже под прикрытием стволов старших лейтенантов.

В новом дворе собаки не было. Даже застреленной. Но не было здесь уже и второго бандита. А калитка на соседнюю улицу была красноречиво распахнута. Три собровца устремились к ней, ни секунды не теряя. Будь бандит более опытным, он лучше бы сам три секунды и скорость бега потерял, но калитку закрыл. Тогда у преследователей было бы опасение, что беглец во дворе и может встретить их очередью. Пришлось бы снова прикрывать друг друга огнем, отбивать пулями углы дома и совершать короткие перебежки через двор и вокруг каждого препятствия, которое можно использовать как укрытие.

Мелькнуло в окне испуганное женское лицо. Хозяйка заметила, что старший лейтенант Скобцев, снова оглядая дом с левой стороны, чтобы не оставить двор не осмотренным, за окнами наблюдает одновременно и глазами, и стволом автомата, и отпрянула в сумрак комнаты. Но старший лейтенант уже успел ее рассмотреть и опасения не испытал.

Первым за калитку выскочил старший лейтенант Сулейманов и умудрился на короткие доли секунды увидеть спину бандита, заскакивающего в другую калитку на противоположной стороне улицы, метров на шестьдесят вправо. Но дать очередь старший лейтенант не успел, слишком мало времени у него было на осмысление ситуации, чтобы за осмыслением последовало еще и действие. Взгляд всегда быстрее любого действия, даже автоматического.

– Там он... – крикнул Сулейманов товарищам и сам побежал к нужному двору, на ходу стреляя в калитку.

Тонкий металл пули не выдерживал – это не закаленная легированная сталь бронелиста, старший лейтенант превращал калитку в решето, но пули силу уже теряли и достать кого-то по ту сторону не могли. Понимая, что такая стрельба результата не даст, Сулейманов сразу пересек дорогу и пробежал вдоль каменного основательного забора, обычного в поселке предмета гордости местных домохозяев. Ялаев со Скобцовым, оказавшись на улице, побежали вдоль дороги, стараясь через кусты рассмотреть дом за той самой калиткой, где скрылся бандит. Именно эти кусты и спасли их. Когда распахнулось чердачное окно, оттуда высунулся ствол ручного пулемета, и длинная, только пулемету доступная очередь начала скашивать кусты. Майор со старшим лейтенантом сориентировались мгновенно и перебежали к тому же забору, что скрывал Сулейманова. Но пулемет уже переключился на другую цель – в дальнем конце улицы появился единственный в отделении милиции бронетранспортер. Впрочем, силы ручного пулемета явно не хватало, чтобы причинить бронетранспортеру серьезный вред. И скоро очередь стихла.

Трое соборовцев же уже оказались около калитки. Сулейманов ударил в нее прикладом, распахивая, и вовремя отскочил, потому что навстречу ему раздалась четыре одновременные автоматные очереди. Таким образом, преследуя двух бандитов, одного уничтожив, менты оказались лицом к лицу по крайней мере с пятью, один из которых вооружен еще и ручным пулеметом. Соотношение сил изменилось. Однако это не заставило соборовцев отступить. Ялаев, не видя, но просто прикидывая, где должно находиться крыльцо дома, одну за другой бросил две гранаты «Ф-1». Осколки мощной гранаты ударили не только в дом, но и в забор, за которым менты укрывались. Полетевшая следом «РГД-5», брошенная Сулеймановым, такого эффекта не дала. Ее алюминиевые осколки, если и прошлестели по стене, то не так звучно.

Автоматы во дворе стихли. Стонов раненых слышно не было, или они после трех гранат уже не могли даже стонать. Но расстояние для броска гранаты было слишком небольшим. Саму гранату увидеть не сложно, и потому бандиты имели время до взрыва, чтобы отпрыгнуть в какое-то укрытие, за угол ли дома или просто залечь за кустом или деревом, а то и просто на веранде, если сама граната упала во дворе. И потому врываться сразу во двор, как это обычно делается после броска гранаты в комнату, было рискованно. Да и спешить уже, по сути дела, было некуда. Бронетранспортер был уже рядом, разворачивалась башня, а еще через тридцать секунд звучная и весомая очередь башенного пулемета ¹ в щепки разнесла и само чердачное окно, и деревянную, украшенную узором из оцинкованного металлического листа стену. Если за окном кто-то и прятался, дожидаясь момента, удобного для атаки, то о здоровье этого человека уже никто не спросит...

С садистским удовольствием сминая придорожные кусты тяжелой резиной колес, БТР въехал на тротуар, надеясь занять такую позицию, которая позволила бы ему стрелять над забором по территории двора. Но забор был слишком высок, и пулемет имел возможность только чердак и расстреливать. Однако это было уже ни к чему, потому что пулемет на чердаке замолчал или был перенесен в другое место.

Тут же открылся боковой люк БТРа, и из машины выскочили четыре мента. Еще минимум двое остались в машине – механик-водитель и пулеметчик. Соотношение сил опять изменилось. Теперь уже девять ментов могли диктовать свои условия бандитам более обоснованно и твердо. А в таком бою, как правило, каждый ствол бывает на счету и может решить исход всей схватки одной-единственной очередью. Главное, чтобы ствол направлялся умелой рукой...

Но тут же, не успели две группы ментов соединиться, чтобы обсудить положение, громко ухнул выстрел из РПГ ², сразу сваливший на БТР часть стены, что, впрочем, вреда машине не

¹ На БТРах старого образца, которыми оснащены милицейские подразделения, устанавливались крупнокалиберные пулеметы «КПВТ» калибра 14,5 мм. На новых БТРах устанавливается легкая пушка 2А72, способная использоваться и в качестве зенитного оружия. Это уже более сильное оружие, делающее БТР опасным даже для легкого танка.

² РПГ – ручной противотанковый гранатомет, используется не только против танков. Имеет различные заряды гранат,

причинило. Но второй выстрел, естественно, последовал бы сразу, как только бандит перезарядит гранатомет. Ждать его недвижимым – сразу подписать себе похоронную...

С башни бронетранспортера опять заговорил пулемет, но пулеметчик не видел, куда ему следует стрелять, и спасти положение не мог. А выбивание кирпичной пыли из стены давало мало толку и только много шума. Не растерялся в такой сложной ситуации механик-водитель, резко дал задний ход, отогнав БТР за другой участок забора. Но оттуда пулеметчику было видно еще меньше.

Гранатометчик тем временем гранатомет уже, похоже, перезарядил. Это дело не длительное. И следующий выстрел ударил опять так же мощно. Только теперь уже в проем стены совсем рядом с местом, где прятались, дожидаясь удобного момента для атаки, трое собровцев. Граната, видимо, была кумулятивная, и сразу прожгла в заборе дыру, оплавив кирпичи. Но вокруг дыры из стены пыль поднялась облаком. А целый кусок стены шевельнулся, некоторое время постоял в задумчивости, соображая, где лучше ему находиться, потом медленно свалился под основание забора – цемент в кладке был, видимо, плохого качества.

Быстро среагировал майор Ялаев, чьи румяные щеки совсем покраснелись. Тут же, приподнявшись, бросил последнюю свою гранату «Ф-1» и, пока осколки крошили стену двора и стену дома, стремительно переместился к пролому, начиная стрелять еще до того, как сам сможет рассмотреть внутренности двора.

И только когда осело облако пыли, увидел, что стрелять ему, по сути дела, некуда.

– Ялаев! – окликнул собровца долговязый пермский мент майор Яковлев, только что прибывший на бронетранспортере. – Отлезь оттуда... Сейчас снова долбанут...

И замахал длинной рукой, подтверждая приказ невнятными жестами.

Не «долбанули». Только откуда-то с развороченного, но еще целого чердака легким навесом вылетела граната, ударилась о тротуар, слегка подпрыгнула и, к счастью ментов, сразу скатилась в неглубокую канавку для стока дождевой воды, идущую вдоль всего тротуара. Взрыв прогремел, куда-то кверху вырвались осколки и бетонные края канавки разворотили, но ментов эта канавка спасла.

Но тут же, без паузы на раздумья, прозвучал и адекватный ответ ментов. Мощный пулемет бронетранспортера с треском проломил сбоку, по скату, шифер кровли и внутреннюю обрешетку, открывая и сам чердак, и то, что там делается, взгляду со стороны... Очередь была длинная, и не одна. Через пару секунд активной стрельбы проломилась с треском стропилина, вторая была не в состоянии удержать доставшуюся ей нагрузку и проломилась тоже, и кровля рухнула, накрывая того, кто гранату бросал. Выскочить он едва ли успел – слишком быстро среагировал пулеметчик. Если залег там же, то бандита или просто придавило, или вообще – пополам разрубило тяжелым колотым шифером... Шиферный лист, падая ребром, быка разрубит... Звуков жизни никто с чердака не подавал.

С чердаком как с огневой точкой было полностью покончено, потому что уже никто не смог бы выбраться через люк наверх, чтобы стрелять оттуда. Бронетранспортер новый маневр предпринял. Быстро выдвинулся на старую позицию, к пролому в стене, и оттуда дал несколько очередей по стене дома, по окну и по двери, выломав и дверь, выбив и окна вместе с рамами, но только оставив следы на стене, не более. Кирпичная кладка была прочной, и пара кирпичей была выбита только из угла дома. Остальные атаку выдержали. И тут же, не дожидаясь, когда бандиты снова РПГ на него наведут, стальной «бронтозавр» резко отъехал, как отпрыгнул, назад, под прикрытие стены.

вплоть до начиненных слезоточивым газом CS. Согласно статистике, за время войны в Чечне 40 % потерь в живой силе российской армией получено от поражения РПГ, 30 % от стрелкового оружия и столько же от мин и фугасов. Поэтому применение РПГ и подствольных гранатометов всегда эффективно. Гранатометы одинаково применялись и боевиками, и федеральными силами.

Боевики пока никак не реагировали на ментовские маневры. Похоже было, что они решили в доме укрыться. Такие дома обычно бетонными подвалами оборудованы. По крайней мере, активности бандиты больше не проявляли. Это, как говорил опыт, означает одно – перевод операции в затяжное русло, в осаду, которая может затянуться надолго, до тех пор, пока какой-то из сторон не подоспеет помощь...

– Людей надо... Иначе уйти могут... – сказал майор Ялаев майору Яковлеву.

– Я двоих на ту улицу поставил... Чтобы страховали... – ответил Яковлев.

Как более опытный и лучше ориентирующийся в местной обстановке – все-таки уже пятый месяц здесь против полутора недель Ялаева, он сейчас командовал в местном отделении. Ялаева специально сюда послали, чтобы плотно вошел в курс местных дел до момента, когда закончится полугодовая командировка Яковлева.

– Мало... Они все направления перекрыть не смогут.

– Пошли своих... – майор Яковлев раздраженно кивнул в сторону старших лейтенантов Сулейманова и Скобцева. – У меня людей нет... В отделении один дежурный остался... На дороге на блокпостах по паре человек... Где я тебе возьму заслон?

– А если не все боевики здесь? А если несколько человек в поселке и готовятся в спину нам ударить? – скорее сам себя спросил Ялаев. По прошлой командировке в Чечню, когда боевики были еще в силе, майор башкирского СОБРа помнил немало моментов, когда удар в спину приходил, казалось бы, в предвкушении победы, которая уже в кармане шевелится...

Долговязый Яковлев, видимо, понял, что краснощекий Ялаев не его спрашивает, и как раз поэтому не счел нужным ответить. Только сдвинулся на шаг в сторону пролома и дал очередь по ближайшему окну...

Со злостью, хотя никого за окном не видел... Но для острастки иногда и такие очереди следует применять. Было даже немного странно видеть, как быстро движется долговязый майор, в обычной жизни вялый и медлительный.

Ответная очередь боевиков прозвучала вообще откуда-то со стороны...

2

Проснулся старший лейтенант Парамонов.

– Интересно было бы знать, кто мне уши металлоломом загрузил, пока я спал... – проворчал совсем не ворчливым голосом.

– Сколько тонн, Парамоша? Не взвешивал? – поинтересовался майор Паутов. Голос у Паутова густой и грубый, и не всегда понимаешь, шутит он или говорит серьезно, понимает шутку или наивно ловится на нее.

– Полностью загрузили... Весы теперь поставить некуда... – Парамонов демонстративно в свободном от наушника ухе поковырял и поморщился.

Отдельная мобильная группа спецназа ГРУ из рейда возвращалась не вертолетом, как бывает чаще, а на «БМП-2», которую по просьбе командира группы подполковника Разина выслали прямо на дорогу к условленному месту. Погода быть летной обещала только через неделю, а снимать группу следовало с гор, где вообще все полеты затруднены – облака вопреки обыкновению не только за вершины цеплялись, но и сползали, словно таяли, на склоны, образуя густой туман и создавая для полетов нулевую видимость. Потому и пришлось попросить БМП. В рейде всем полноценно выспаться было не дано, поскольку во время темпового длительного марша спать никто не умеет, и потому сейчас офицеры тихонько подремывали, если такое состояние можно назвать подремыванием – не только уснуть, но и задремать в таких условиях было трудно. Боевая машина пехоты дребезжала каждым соединением, словно обещала рассыпаться. Узкие и быстрые гусеницы лязгали и лязгали беспрестанно, визжали и визжали бесконечно. Двигатель басовито урчал, как голодная собака над неожиданно подвалившей

ей костью. Не случайно старшему лейтенанту Парамонову приснилось, что ему уши металлоломом загрузили...

Между тем согласно инструкции в дороге, преодолеваемой без осуществления прикрытия передвижения, все армейские транспортные средства обязаны двигаться со скоростью не ниже семидесяти километров в час, чтобы снизить риск попадания из гранатомета. И механик-водитель старший прапорщик Радимов, любитель, видимо, больших скоростей, из всех сил старался инструкции придерживаться. Ему именно эта инструкция по вкусу пришлась. Только понимал он ее по-своему. Не ниже семидесяти – это вовсе не значит, что ровно семьдесят один. Восемьдесят километров в час – это тоже не ниже семидесяти. Была бы машина поновее и дорога поровнее, он бы при спуске и за девяносто разогнался. А что касается дребезжания боевой машины, то можно пассажирам и потерпеть. На то они и спецназовцы, чтобы уметь терпеть. Говорят, это главное их умение, которое и делает спецназ спецназом. Терпят усталость, терпят боль, терпят бессонницу... А остальное прилагается... Остальному обучиться можно. А терпение человеку дается от бога...

Вообще-то, согласно тактико-техническим данным, обычная «БМП-2» разгоняется только до скорости в шестьдесят пять километров в час. Так ее стандартная инструкция говорит. Может больше выжать, но это считается опасным. Но если есть приказ, решил старший прапорщик, приказ выполнять следует, потому что любая БМП тоже является транспортным средством. И попробуйте доказать, что это не так...

Впрочем, спецназовцы почему-то не возражали против оперативной скорости. Только сержант-контрактник Скобочкин, наводчик-оператор, второй член экипажа, беспокойно елозил в своем жестковатом кресле. Похоже, парню не нравилась такая скорость на горных дорогах или он вообще предпочитал неторопливое передвижение.

– Где мы сейчас? – спросил подполковник Разин, как и полагается, занимающий самое удобное место – командирское – в башне БМП, по другую сторону от наводчика-оператора.

– Подъезжаем к Железнодорожному поселку, товарищ подполковник...

Подполковник раскрыл планшетку со слабой светодиодной подсветкой карты. Посмотрел. На часы глянул. Прикинул в уме скорость и расстояние.

– При такой гонке через четыре часа, пожалуй, и на месте будем... Что скажешь, таксист, будем на месте? Через четыре часа... – Разин говорил сурово и, похоже, не спрашивал, а требовал.

– Как прикажете, товарищ подполковник. – Старший прапорщик Радимов, кажется, и таксистом назвался с удовольствием, лишь бы ему не мешали ехать предельно быстро, хотя, в отличие от таксиста, быстрая езда не увеличивала его должностной оклад, а сдельный заработок в армии пока не ввели. Да и интонацию подполковника он понял правильно – подполковник явно спешил быстрее добраться до базы.

Спецназовцы выделили старшему прапорщику свое средство связи – коротковолновую радиостанцию ограниченного радиуса действия «Подснежник», состоящую только из маленькой коробочки, помещающейся в карман, наушника, легко прячущегося в ухе, и микрофона на гибком «пальце». Отключив внутреннюю связь БМП, старший прапорщик Радимов радовался, что никто не слышит вздохов наводчика-оператора Скобочкина. А то еще, эти вздохи слыша, спецназовцы подумают, что при такой скорости рискуют не только за четыре часа, а и вообще до места не доехать... Однако старшего прапорщика Радимова радовала откровенная торопливость командира группы. Подполковник, похоже, не пожелает ехать медленнее. А сам Радимов ни в своем мастерстве вождения, ни в способностях боевой машины пехоты не сомневался. Он принадлежал к числу тех счастливых людей, которые сомневаться не любят...

* * *

– Товарищ подполковник!..

И сразу за обращением – визг гусениц... Тормозить БМП умеет, но тормозить на такой скорости при большой общей массе машины трудно и, кроме того, рискованно для здоровья пассажиров, не привязанных ремнями безопасности. Тем более что, в дополнение ко всему, справа, всего-то в двух метрах, обрыв высотой метров в тридцать. И потому старший прапорщик Радимов только притормаживал короткими импульсами, не решаясь остановить машину на полном ходу. Впрочем, полной остановки от него никто и не требовал.

– Вижу... Тревога! Всем – к бою! Таксист... Не останавливаться... Наводчик, готовься... – Голос у подполковника был вполне деловой, и никаких резких ноток. Он хорошо понимал, что отдает команду не в окопе, а через средства связи. Только вот наводчик-оператор «Подснежника» не имеет. Ему одному приходится говорить громче, чем другим.

Наводчик-оператор Скобочкин припал к прицельной буссоли. Сразу заработали электродвигатели, наводя автоматическую тридцатимиллиметровую пушку.

Подполковник Разин высунулся из верхнего люка с биноклем в руках. Стал рассматривать, что там впереди происходит. Прямой участок дороги выдался на дистанции около километра. И как раз на небольшой высоте. Большая высота облаками прикрыта и плохо просматривается. Здесь же видимость полная. Там, на самом окончании прямой дороги, на повороте перед въездом в поселок Железнодорожный, шел какой-то странный на первый взгляд бой. Около десятка боевиков, может быть, чуть больше, потому что видно было не всех, оставив в стороне под скалой старенький грузовик, неторопливыми перебежками передвигались вокруг блокпоста, который огрызался только редкими короткими очередями. Блокпост был уже полностью окружен с трех сторон, а с четвертой прикрывался крутым обрывом, и боевики правильно определили «мертвую зону» с каждой из сторон, то есть секторы, где обстрел из бойниц им не опасен, и там даже не пригибались, в свою очередь, чуть не играя, словно бы с насмешкой, стреляя по бойницам. А один из боевиков вообще просто, как на прогулке, и так же неторопливо шел к металлической двери блокпоста с гранатометом в руках. Подошел и ногой в дверь постучал. Кажется, и сказал что-то...

– Достанешь? Наводчик... – спросил подполковник, возвращаясь головой в башню, впрочем, хорошо зная, что автоматическая пушка «БМП-2» эффективно стреляет с расстояния более полутора километров. Даже по бронетехнике, не говоря уже о живой силе.

– Без проблем... – Контрактник, похоже, свое дело знал хорошо и в себе был уверен.

– Боекомплект есть?

– Полный... Пятьсот зарядов... И бронебойные, и осколочные... Сначала бронебойные идут... Для разминки...

Разговор не мешал сержанту осуществлять прицеливание. Пушка, попискивая стабилизатором, заговорила на полном ходу, сразу превратив в груды горящего металлолома двигатель грузовика боевиков. Это остановило ленивую атаку на блокпост. Не ожидающие удара со стороны, бандиты, похоже, слегка растерялись. Но ненадолго... Стволы в противоположную сторону развернулись. И гранатометчик вперед выдвинулся, подыскивая позицию. Теперь уже решительно и серьезно. Но с его оружием стрелять можно было только с близкой дистанции. До этого еще было время показать свое искусство наводчику-оператору Скобочкину. А не слишком тяжелые снаряды пушки «БМП-2» несли в себе все же множество осколков, и уже после первых выстрелов ряды боевиков поредели чуть не вдвое. Упал, выронив оружие, и гранатометчик.

Спецназовцы в боевой машине выставили в амбразуры стволы автоматов, но пока не стреляли, потому что боевики не попали еще в зону видимости. Автоматическая пушка снова

заговорила. И опять так же удачно. БМП стремительно приближалась к блокпосту. Автоматные пули сначала ударили в корпус, но долго такой бесполезный обстрел не продолжался.

– Тормози... – приказал подполковник Разин.

Теперь скорость была уже не предельно высокой, и БМП остановилась почти послушно. Да и обрыва под боком не было. Старший прапорщик Радимов тормозил уже более уверенно, не боясь заноса.

– К машине!³ – спокойно и буднично, чуть не шепотом, как привыкли разговаривать друг с другом на операции спецназовцы, прозвучала команда. – Четверо пытаются уйти в поселок... Трое... Одного с блокпоста сняли... Догнать... И... уничтожить...

Последняя команда прозвучала после незначительной паузы. Видимо, подполковник сначала хотел приказать захватить пленного, но быстро сообразил, что возня с пленным задержит группу в поселке надолго. А даже старший прапорщик Радимов заметил, что подполковник почему-то очень спешит на базу.

С противным металлическим лязганьем распахнулись задние люки-дверцы. Все спецназовцы, кроме командира – восемь офицеров, сидящие в тесноте, потому что «БМП-2» предназначена для десяти человек вместе с экипажем, а везла одиннадцать, выскочили на дорогу так быстро, словно страстно желали как можно скорее затекшие ноги размять. Шестеро сразу устремились в погоню, только двое – штатные снайперы, посмотрели боевикам вдогонку и сняли чехлы с прицелов «винторезов». Старший лейтенант Парамонов и лейтенант Сокольников не торопились. Снайперам нельзя торопиться, потому что при торопливости дыхание сбивается и руки, случается, подрагивают. Они даже прицеливались спокойно и с ленцой. Но стреляли быстро. Так быстро, что их товарищи не успели и тридцати метров пробежать, как вынуждены были остановиться. Преследовать больше было некого.

– Тела к блокпосту перенесите... – распорядился Разин, покидая БМП и направляясь к тому же блокпосту.

Металлическая дверь, побитая пулями, но не пробитая, уже распахнулась, и навстречу спецназовцам вышли два мента – старший лейтенант и лейтенант.

– Ну, вовремя вы... – сказал старший лейтенант.

– Что здесь такое происходит? – спросил все же Разин холодно, и радости своим спасенцам не показывая. – В войну играете?...

– У нас тут, товарищ подполковник, заварушка в поселке. Бандиты нашу машину обстреляли. После преследования бандитов блокировали в частном доме... Ну, как блокировали... Там, дежурный говорит, силы почти равные... Почти блокировали, значит... Сил не хватает... С двух блокпостов по два человека сняли, по паре только оставили. А тут к боевикам помощь откуда-то двинула... С двух сторон... Нас вот вы выручили... А с той стороны блокпост гранатометом взорвали... Сейчас два «уазика» в сторону центра поселка движутся... Помочь бы надо...

– А ваши все где? – сердито спросил Разин.

– Все там... В отделении только один дежурный остался. Через него связь держим...

– Помощь запросили?

– Запросили... – за старшего лейтенанта лейтенант ответил. Молодой и злой, как сам подполковник. – Обещали часа через три прибыть... Вертолеты сегодня не взлетают...

– Карта поселка есть? – спросил Разин.

– У нас нет. Только в райотделе...

– Мы же здесь, помнишь, три года назад операцию проводили... – из-за спины подполковника сказал майор Паутов. – Я ориентируюсь...

³ Согласно воинским уставам, в армии не существует команды «по машинам» или «из машины», как нам постоянно показывают в кино. Обе эти команды заменяются одной – «к машине».

– Я тоже помню... – сказал Разин. – Выстрелы услышим – вот и ориентир. Поехали... А вы... – Он обернулся к ментам. – Автоматы соберите, гранатометом вооружитесь... Держите дорогу, чтобы еще кто не прорвался...

* * *

– Гони, таксист...

Старшего прапорщика Радимова уговаривать было и не надо. Гонять он умел, кажется, лучше всего в жизни. И погнал... В поселке, правда, скорость снизить пришлось. Вдруг кто-то на дороге не вовремя выскочит... Но притормозил тоже не сильно. Люди у своих ворот стояли уже у крайних домов. Прислушивались к происходящему в центре. Провожали БМП вопросительными взглядами, добротой, впрочем, не наполненными.

Подполковник Разин из верхнего люка высунулся по грудь. Так выше вероятность услышать стрельбу и сориентироваться. Но ориентироваться пришлось на другое. БМП въехала в поселок по центральной улице, пересекающей Железнодорожный от одного края до другого, но по достаточно изломистой линии. И уже ближе к центру навстречу из-за поворота на расстоянии в несколько кварталов выскочили два «уазика». При виде БМП притормозили. Один сразу свернул на боковую улицу, а второй в газон въехал. Из машины выпрыгнули люди с оружием в руках. Цепью улицу перебежали и заняли позиции по краям дороги. Трое с одной стороны, трое с другой.

– Гранатометчик слева... – подсказал старший прапорщик Радимов.

– Готов? – спросил Разин наводчика.

– Готов...

– Огонь! Уничтожь их вчистую... Чтоб не останавливаться...

Частые выстрелы автоматической пушки заглушили даже лязганье гусениц. Наводчик-оператор сержант-контрактник Скобочкин, кажется, вдохновленный подполковником, слегка перестарался. Обычно при подобном обстреле пары-тройки выстрелов на группу хватает. А тут по десятку в каждую из сторон. Из газонов никто не встал, даже никто ствол не поднял. БМП проехала мимо, Разин высунулся из люка с автоматом, чтобы «уазик» проверить. Но машина стояла с открытыми настежь дверцами, и внутри никого не было. Появилось ожесточенное желание в бензобак дать очередь. Но от простой очереди бензобак не взорвется. Были бы в автомате патроны бронебойные – они своим каленым сердечником способны искру из металла высечь, – другое дело... Но бронебойными патронами автомат и автоматчиков не снабжают... Бронебойные «СП-6» только снайпер при своем «винторезе» держит... Отдельным магазином... Чтобы всегда можно было при необходимости быстро магазин вставить и продолжать стрельбу...

БМП между тем свернула на боковую улицу. Туда, куда второй «уазик» раньше поехал. Улица прямая, но «уазик» не просматривался. Мог он и в какие-то ворота нырнуть, мог на перекрестке и другой путь избрать. Водитель машины, наверное, хорошо ориентируется в этих одинаковых кварталах... Подполковник Разин опять из башни высунулся. Вынужденно... Следует смотреть по сторонам. Сверху можно и через забор различить «уазик», если он нашел где-то там убежище. Хотя высовываться слишком высоко опасно – из-за любого забора всегда может раздаться автоматная очередь. А стрелять с такой дистанции будут только наверняка и не промахнутся...

А тут еще, как назло, стихла стрельба в центре поселка. Нет теперь ориентира... А «уазик», конечно же, туда должен ехать, чтобы своих выручить... И БМП туда же следует успеть, чтобы, в свою очередь, выручить своих...

Впрочем, тренированное ухо подполковника Разина ориентир и без постоянной стрельбы запомнило...

* * *

На следующем перекрестке БМП начала тормозить и готовиться к повороту.

– Куда! – окрикнул Разин.

– «Уазик»... – сказал старший прапорщик Радимов, увидев впереди автомобиль.

– Это другой... Это ментовский... Нам еще, кажется, на квартал вперед... Потом направо...

БМП с места снова сорвалась так, что гусеницы даже слегка пробуксовали на каменистой земле. Но перед перекрестком старший прапорщик притормозил, чтобы просмотреть боковую улицу.

Подполковник Разин наблюдал за улицей сверху. Он уже не сильно из люка высовывался, потому что к зоне стрельбы приблизились, кажется, вплотную, но видел все. И потому сразу увидел и ментов, засевших рядом с забором, и БТР, готовый к стрельбе. Но «уазика» боевиков здесь не было. А должны бы они были быть именно здесь. Куда, в таком случае, поехали? Ответ пришел сразу...

– На следующую улицу... – скомандовал Разин. – Они будут своих вывозить... С черного хода...

И тут же откуда-то с той стороны, куда подполковник и думал направиться, раздались звуки активной двусторонней перестрелки.

– Следующая улица... – повторил Разин. – И направо... Жми...

Последний квартал до поворота БМП просто пролетела. И повернула направо так быстро, что одна гусеница перескочила через газон, раздавив какие-то красивые ухоженные кусты, и разворотила высокий бетонный бордюр газона. Автоматная очередь сразу ударила в броню башни – кажется, здесь ждали появления БМП. И перебежал дорогу гранатометчик с «РПГ-7»⁴ в руках. Но одновременно с этим боевикам приходилось вести перестрелку и с противоположным концом улицы. Откуда-то оттуда, прячась около забора, стрелял одинокий автоматчик, и мешал боевикам сесть в машину. А желающих сесть было больше даже, чем «уазик» мог вместить. Но сам «уазик» стрелку не был виден, поэтому он простреливал тротуар.

Новые автоматные очереди теперь раздались со стороны только что оставшейся позади улицы. Должно быть, менты прочухали, что бандиты пытаются уйти, и пошли в прорыв. Судя по звуку выстрелов, очереди были профилактические, прикрывающие прорывающихся. Но прикрывать было уже и не надо.

– Наводчик! По машине...

Но подполковник со своей командой опоздал. Наводчик-оператор Скобочкин стрелять начал одновременно с первым словом, и не по машине, а в сторону, в газон, где гранатометчик залег. И опять дал большую очередь, которая просто обязана была всех там прячущихся накрыть осколками. «Уазик» тем временем сорвался с места. Из раскрытой дверцы еще чьи-то не убранные ноги торчали, а скорость машина набирала быстро.

– По машине... – повторил подполковник.

Загудел электродвигатель, пушка сместилась. До спасительного перекрестка оставалось не больше десяти метров, и «уазик», словно бы в насмешку, зажег сигнал поворота. Хотя, может быть, у водителя сработал автоматизм. Такое тоже случается. В это время пушка заговорила. Она не расстреливала, а рвала металлический верх «уазика» на куски. Перезаряжать обойму на бронебойные заряды было некогда, и сержант стрелял тем, что было в пушке. Но стрелял так плотно, что за эти последние десять метров весь верх автомобиля превратился

⁴ «РПГ-7» – самый распространенный и очень мощный ручной противотанковый гранатомет и в российской армии, и в рядах боевиков.

в металлические лохмотья. При стрельбе прямой наводкой спасения от пушки даже такого малого калибра быть не может. «Уазик» вильнул в одну, в другую сторону, перескочил перекресток и врезался в угол забора. Из машины никто не вышел...

Подоспевшие спецназовцы, проверяя результат стрельбы пушки, сразу вытащили из машины человека, спрятавшегося в узком пространстве между двигателем и передним сиденьем. Там его осколки не достали...

Пленник выбираться из машины боялся, но, встав на ноги, сразу захотел стать гордым, и даже пригрозил:

– Вы за это еще ответите... Вы на нас напали, вы расстреляли мирных людей...

– Прямо сейчас? – спросил Парамоша и показал, что бьет чечена прикладом «винтореза» в нос. Впрочем, руку придержал и носа почти не коснулся. Даже кровь не потекла, хотя нос заметно посинел...

Пленник шарахнулся, но спорить не стал и только злобно усмехнулся...

– Здесь что, каждый мирный человек, отправляясь в магазин за хлебом, прихватывает с собой гранатомет? – наивно спросил капитан Ростовцев...

* * *

Почти проигрышная ситуация в который раз за день перевернулась, превратившись в ситуацию выигрышную. После боя, как обычно бывает, когда стволы смотрят уже в землю, ко всем подступили усталость и расслабленность.

– Вот уж спасибо за помощь... – сказал долговязый майор Яковлев. – Если бы не вы, они не бежать бы попытались, а нас бы атаковали... А нас не много...

Он сильно сутулился, что часто случается с людьми высокого роста, не наделенными природой широкими плечами, и двигался медлительно и почти лениво, хотя и широкими шагами, и при этом все движения майора были слегка суетливыми, должно быть, оттого, что он много шевелил руками, пытаясь изобразить что-то непонятное, и так иллюстрировать свою речь.

– Вас еще меньше, чем вы думаете... – привычно мрачно, почти пугая, сказал майор Паутов. – Они прорвались через нижний блокпост... Ваших парней там перебили...

Подполковник Разин поднял с земли автомат одного из боевиков, рассмотрел его, усмехнулся и передал долговязому ментовскому майору.

– А это для нас готовили... Или, скорее, для вашего БТРа... – и показал.

К ременной петле автомата была привязана проволока, перекинута с правой на левую щеку автомата и замотана вокруг рычага затвора.

– Что это за хреновина такая?... – не понял подошедший майор Ялаев, сияя румяными щеками, как яблоками. Должно быть, давление у майора Ялаева было ни к черту, если так краснел от не слишком напряженного боя.

– Не встречался? – спросил Разин.

– Затвор зачем-то заблокировали... – Долговязый мент размышлял так же медленно, как двигался, и не понял систему. Руки его автомат взяли, быстро протянулись к затвору, к проволоке, ничего не сняв и не проверив.

– Объясни специалистам... – кивнул Разин Паутову.

Он сам явно был не в духе и даже разговаривать с ментами не хотел.

– Блокируется затворная рама... – майор Паутов ткнул пальцем в проволоку. – В результате после выстрела затвор не имеет возможности отойти в заднее положение, и не дает перезарядиться автомату...

– А зачем это? – Ялаев тоже так и не понял.

– Автомат за счет чего перезаряжается? Что затвор сдвигает? – спросил Паутов несообразительных ментов.

– Газы... – Это даже старший лейтенант Сулейманов знал.

– А если затвор заблокирован, куда газам податься? – Спецназовец все надеялся, что менты сообразят сами.

– Куда?

Паутов застонал.

– Вы, мужики, меня убиваете... Пулю будут толкать в полную силу. В результате такого приспособления простая пуля и кирпичную стену может пробить, и броню БМП или БТРа... Вдвое выше начальная скорость полета... Вдвое сильнее удар... Понятно?

– А потом-то что? – спросил Сулейманов. – Потом-то как стрелять?

– Руками... Снял проволоку, передернул затвор вручную, снова проволоку прицепил и дырявишь следующую стену... И того, кто за этой стеной прячется...

– Надо как-то попробовать... – в сомнении покачал головой майор Яковлев.

– Мне такие штуки уже показывали... – единственный из ментов, старший лейтенант Скобцев, с нехитрым приспособлением оказался знакомым. – Классно лупит... Только рожок отстреляешь, ствол по износу надо списывать...

– Ничего подобного... – не согласился майор Паутов. – Ствол имеет тройную прочность. И двойную нагрузку выдерживает без проблем... Только не делайте такие штуки на пулемете... У пулеметов ствол в самом деле всегда слабый...

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Ментам очень понравилось поведение подполковника Разина. Он не захотел даже того, чтобы дожидаться официального оформления документов по результатам боя. И даже по телефону передать рапорт своему командованию не пожелал. И не пожелал считать, сколько человек уничтожено его командой, сколько ментами.

Из всех только майор Яковлев, закончив предварительный допрос пленных, которых оказалось трое, из них двое раненых, неуверенно плечами пожал и всплеснул руками:

– Но... Как же так, товарищ подполковник...

– А вот так... Времени у меня нет... А это не менее двух часов займет... Можете все себе приписать, я от имени своей группы даю на то полное согласие... Напишите, что два ваших парня на блокпосту уничтожили больше десятка боевиков... Потом они же шестерых на улице по пути сюда... А здесь вы с остальными справились... Мне сейчас эта возня с оформлением совсем ни к чему... Вы победили, и молодцы. Поздравляю с будущими наградами...

Разин первым полез в свою башню. И сверху уже не высунулся, чтобы не разговаривать и время не терять. Он очень спешил, даже больше спешил, чем раньше, и тем только радовал старшего прапорщика Радимова.

– А как мне боезапас списывать? – растерянно спросил наводчик-оператор Скобочкин, забираясь в башню вслед за подполковником.

– Я твоему командиру роты скажу, он спишет... Как-нибудь...

У сержанта-контрактника лицо вытянулось. Он, похоже, надеялся за такой удачный бой хоть какую-нибудь медальку получить. По сути дела, весь бой он один и выиграл, потому что из спецназовцев только снайперы и стреляли. Сержанту-контрактнику откровенно не хватало медали на груди. Но Разин был неумолим.

– Быстрее, быстрее... Садитесь...

– Товарищ подполковник... Может, хотя бы пленного в прокуратуру доставите... – заглянул в задний люк майор Яковлев. – Или в ФСБ... Или хотя бы передайте кому-то, кто доставит...

– Сами отправить не можете? – Разину пришлось наклониться, чтобы разговаривать с ментом. – У нас в машине на одного человека больше, чем положено. Куда мы его всунем... Нет... Не возьму...

– Товарищ подполковник... – Майор просил занудливо и настойчиво, и заламывал себе кисти рук. – Вы же видели, какие тут у нас силы... Это ради него две группы с гор спустились... И кто знает, сколько еще спуститься может... Мы его не удержим... Отобьют и нас перебьют...

– А что за птица?

– Не хочет разговаривать... Документов при нем нет... Имя сообщать отказывается... Тот, которому ваши парни нос приплющили... Только другие пленники говорят, что он важная птица... Ради него две группы в поселок вошли... Но и они толком не знают, кто он... Откуда-то из-за границы приехал...

– Да пусть бревном на полу валяется... – предложил майор Паутов. – На него и сесть можно... Все не на полу...

– Грузите свое «бревно»... – согласился Разин.

Пленник при погрузке не разговаривал. Только усмехался...

Но когда БМП затряслась по дороге, сказал громко:

– Думал всю оставшуюся жизнь на «Роллс-Ройсе» ездить...

– Наш «Роллс-Ройс» тоже машина хорошая... – сказал Парамоша, оперся прикладом на лоб пленника, а на ствол руки положил. Пленнику сначала показалось, что у снайпера руки телу не соответствуют – слишком тяжелые, потом показалось, что дорога слишком тряская. Приклад, хоть и не такой тяжелый, как у «калаша», постоянно подпрыгивал. Пленника радовало только то, что теперь приклад не прикладывается к его носу...

* * *

Дальше, за поселком Железнодорожный, дорога была уже не горная, не извивалась, не искала себе побольше крутых до безумия поворотов, иногда в обратную сторону отводящих, чтобы после следующего поворота вернуться на нормальное направление. По прямому пути ехать, конечно, было быстрее и легче, хотя здесь из-за более интенсивного движения дорога и была более разбита. Впрочем, дорожные ухабины волновали больше всего пленника, которому приходилось принимать все неровности целиком на все тело, в то время как остальным только на самую мягкую его часть.

А старший прапорщик Радимов очень старался подполковнику Разину угодить, забыв почему-то, что у него появился новый пассажир, уважающий «Роллс-Ройсы». В итоге весь путь занял не четыре часа, как предполагал недавно Разин, разглядывая карту, а только три с небольшим. И на базу группа прибыла еще засветло. Перед БМП сразу подняли шлагбаум, даже не поинтересовавшись, кто внутри машины. И машина местная, да и подполковника Разина, высушшегося из башни, слишком уважали, чтобы «доставать» с проверкой...

У спецназовцев было свое небольшое помещение сбоку от старого двухэтажного здания казармы мотострелкового батальона. Помещение это не отдавалось никому уже полтора года, и даже в то время, когда группа Разина отправлялась на несколько месяцев на отдых. И вовсе не потому, что у мотострелков было много лишних помещений. Просто спецназовцы пользовались повышенным уважением у простых армейцев, несколько раз занятых в совместных операциях и убедившихся, что опережающая слава никогда не бежит слишком далеко впереди тех, кто ее достоин.

– Займись этим уродом... – сказал подполковник майору Паутову. – Я позвоню в ФСБ в Грозный, пусть заберут...

От городка до Грозного сорок километров. Пока еще соберутся, пока еще приедут... Собственной гауптвахты в военном городке не было, и Паутов отправился сразу в столовую, где договорился с дежурным прапорщиком, чтобы пленника определили в подвал продуктового склада.

– Нет проблем... Правда, там сыровато... – посетовал прапорщик.

– Ему в самый раз... – Майор Паутов сам сырости не боялся и считал, что подвал для пленника ничуть не хуже солдатской бани. Там тоже сыро, но все же туда с удовольствием идут... И этот сходит... В подвал...

* * *

Подполковник Разин приказал до своего возвращения оставить БМП рядом с дверьми помещения группы – на случай, если ему придется еще ехать дальше, хотя и не был уверен, что ехать ему придется, и ушел на узел связи штаба батальона, чтобы доложить в РОШ⁵ об обстановке и о собственном местонахождении и связаться с республиканским управлением ФСБ – договориться о передаче пленника.

⁵ РОШ – региональный оперативный штаб по проведению контртеррористической операции на Северном Кавказе.

– Куда он еще собирается? – спросил старший прапорщик Радимов, постукивая БМП ногой по гусеницам так, как классические водители постукивают по колесам автомобиля. – После такого-то броска... Даже у меня все внутренности растряслись...

Рядом стояли капитан Ростовцев и лейтенант Сосненко. В стороне старший лейтенант Парамонов чесал спину пленному чечену – естественно, стволом своего «винтореза». Это чтобы после долгой дороги в лежащем положении пролежней не было... Когда стволом заряженной винтовки чешут, кровь по мышцам сама по себе начинает бегать, будто спину кипятком облили. Пленный же в это время чесал ни с того ни с сего посиневший лоб. Но Парамошу никто не мог упрекнуть в том, что он пленника бил в лоб. Если приклад в дороге и подпрыгивал, то виновата в этом только дорога и теснота БМП. Что же касается носа, посиневшего раньше, то здесь не Парамоша виноват, а только приклад, который к носу чуть-чуть приложился. Старший лейтенант же очень старался приклад сдерживать, и это все видели...

Лейтенант Сосненко на вопрос старшего прапорщика только плечами в недоумении пожал, а капитан Ростовцев головой покачал:

– Что-то с Александром Андреевичем, мужики, не в порядке, мне кажется... Нервничает... – и посмотрел в спину удаляющемуся командиру.

– Он вчера со спутниковой трубки домой звонил... – сообщил со стороны слушающий разговор капитан Юрлов. – Сразу после разговора... Я заметил... Занервничал... Что-то у него случилось...

– А что ж не спросите? – В простоте душевной старший прапорщик Радимов и сам казался человеком добрым и душевным. – Может, помощь какая нужна...

Капитан Ростовцев положил руку на погон старшему прапорщику.

– У нас, старик, так... Если человеку помощь нужна, он товарищей попросить не постесняется... Если не нужна, если своими силами обойдется, то свои заботы на плечи других перекладывать не стоит... Самому легче не станет, а других зачем нагружать...

Старший прапорщик Радимов на «старика» не обиделся. Он возрастом был лет на семь-восемь помоложе капитана, и такое обращение ему льстило.

Майор Паутов подошел. Хлопнул пленника по плечу, а не по носу, но от этого несчастному легче не стало, потому что рука у майора соответствовала его широченным плечам.

– Пойдем... Место тебе приготовили...

* * *

Уже на пороге штаба батальона Разина встретил начальник узла связи. Старший лейтенант улыбнулся и достаточно вольно «козырнул», как все почему-то здесь козыряли спецназовцам, считая их почти вольными, словно и не совсем армейскими птицами. Может быть, потому, что спецназовцы не всегда формы одежды и штатного вооружения придерживались. И вообще поверх военной формы могли натянуть гражданскую рабочую телогрейку, если хотели слегка согреться, а из обуви, в рейд отправляясь летом, всегда предпочитали простые кроссовки.

– Товарищ подполковник, вас на связь требуют из поселка Железнодорожный... Менты...

Разин вздох недовольства подавить даже не попытался.

– Что *еще* им надо?

– Я, товарищ подполковник, не знаю, что им надо было даже до «еще»... Сами поговорите... По открытой связи... Там майор какой-то на линии... Ждет...

Разин прошел вслед за старшим лейтенантом, шагнул за порог комнаты коммутатора и сразу взял трубку из рук ефрейтора-телефониста.

– Слушаю, подполковник Разин...

– Товарищ подполковник, извините, что надоедаю... Майор Яковлев... – Подполковник представил, как долговязый майор Яковлев жестикулирует даже тогда, когда трубку держит. – Через РОШ вас разыскивать пришлось... Вы еще, извините, как – от нашего общего пленника не избавились?

Разин поморщился. Он не хотел сейчас этих забот, но уйти от них оказалось сложно. Дал послабление – взял с собой пленника, хотя сразу понимал, что одним этим дело может не закончиться. Так всегда бывает...

– Пока не расстреляли, у нас он... Ему сейчас конуру и цепь ищут... А что случилось?

– Мы повторно дом обыскали, откуда они отстреливались... – Голос майора снизился до таинственного. – В подвале потайная комната открылась. Простучали стену, дверь нашли... И... представляете! Около шестидесяти килограммов высококачественного афганского героина... Все в упаковках... Мы в ФСБ уже доложили... Там ждут пленника... Требуют доставить его немедленно... Они знают, кто он такой... Мы тоже узнали... Это местный наркобарон, но постоянно он за границей проживает, сюда только наведывается, чтобы порядок навести... Человек с большими связями... За грузом из ФСБ завтра конвой вышлют... А мы всю ночь охранять будем... В усиленном режиме... За таким-то грузом обязательно пожелают... Хотя бы для проверки нас на вшивость... Засаду выставим... Жалко, в городе минирование запрещено...

Майор говорил, а Разин еще в середине ментовского монолога почувствовал, как у него напряглась спина. Потом сердце несколько раз кольнуло, будто кто-то стрелял в грудь одиночными выстрелами. И не пулями, а стрелами, тонкими и острыми... С интервалом стрелял, давая боль почувствовать...

– Я понял... Только я здесь при чем?

Он умышленно отодвигал от себя сообщение и все действия, с ним связанные, хотя знал, что стену так вот, почти руками, отодвинуть не в состоянии, но все же старался изо всех сил сделать это. Такое уже бывало... Иногда казалось, что усилия не остаются напрасными, и он тогда старался сильнее, но потом убеждался, что сил его все же не хватает.

– Я просто предупредил, что пленника уже ждут... – Долговязый майор Яковлев, кажется, даже обиделся на холодноватый, мягко говоря, тон подполковника. – С ним следует быть осторожнее... Нас так предупредили... Это, наверное, важный человек...

– Спасибо. Мы отправим его при первой же возможности... – сухо пообещал Разин и не удержался, чтобы не подколоть майора. – Завтра, когда отоспимся... Или послезавтра... Это зависит от того, как нам удастся выспаться... А ты двор минируй, не стесняйся... Скажешь потом, что это мины боевиков... Против вас были выставлены...

И сразу отключился от разговора. Хорошо, что на военном аппарате клавиша располагается прямо на трубке. Иначе пришлось бы выслушивать еще и болтовню мента. А на это сил у Разина уже не осталось. Он вообще почувствовал себя неважно... Было отчего почувствовать себя неважно, потому что сообщение майора Яковлева эхом отдалось в другом...

Выйдя из телефонной комнаты, подполковник сунул руку под разгрузку, оттуда, пальцами оттянув застежку-«липучку», и под бронежилет. Там, в кармане камуфлированной куртки у него хранилась тоненькая стеклянная трубочка с маленькими таблетками нитроглицерина. Он давно уже не прибегал к лекарству. Уже больше года, кажется, но таблетки на всякий случай носил при себе. И положил одну на язык.

Таблетка моментально растаяла, сразу заложило уши, словно при прыжке с парашютом, и даже свист в ушах раздался – ассоциация сработала. Если уши закладывает, то свист ветра следует слышать даже через десантный шлем... И в любой обстановке... Даже когда нет прыжка, даже когда не слышно ветра. Странности человеческой психики...

Сердце начало ныть еще вчера, после телефонного звонка. Сначала был звонок из дома. Лена, жена, знает, как звонить. Наберет номер, только один звонок, и она кладет трубку. Это

чтобы не отвлекать его от дел. Бывает, что ответить нет возможности. Разин так научил ее. Потом он посмотрит список неотвеченных звонков и сам позвонит жене. В этот раз все так и было. Он позвонил. Она и сообщила новость...

Но вчера Разин к нитроглицерину не прибегал, хотя чувствовал в области сердца какую-то электрическую неуверенность – будто бы слабым током мышцы подергивало. Но не было возможности спрятаться от посторонних глаз. В группе все офицеры знали, что у командира с сердцем не совсем в порядке, и не хотелось лишний раз напоминать им об этом, потому что на командира, ведущего их в бой, они должны надеяться стопроцентно, как он сам на себя надеялся. А любые сомнения могут вызвать неуверенность, которая чревата последствиями. Даже ему можно сомневаться в себе, а подчиненным – нет... Хотя однажды на плохом самочувствии командира была основана даже целая операция⁶. Тогда, спекулируя на болезни, Разину удалось заманить в ловушку полевого командира боевиков Батухана Меченого. После той операции, когда дело было успешно завершено, врачи заставили все же подполковника лечь в госпиталь, утверждая, что у него предынфарктное состояние. Вернее, даже не врачи, а командование, причем в приказном порядке. Врачам Разин традиционно не доверял и просто игнорировал бы их мнение. И он до сих пор не уверен, что они действительно помогли ему. Но был уверен, что после госпиталя, когда он отпуск проводил в деревне, ему помогло лечение простого деревенского пасечника. Тот дозировал мед и козье молоко ложками, и на этой основе какие-то лекарства делал. Травы туда добавлял. Какие травы, определить было трудно, но запах валерианы все же ощущался. Кошка подполковника на этот запах реагировала и лезла облизать губы после приема очередной дозы снадобья. Каждую дозу принимать было необходимо в разное время суток...

После этого сердце только изредка о себе напоминало. И не в боевой обстановке. В боевой обстановке подполковник Разин, к риску и напряженному ритму самого сложного по профилю рейда привычный не меньше, чем к прогулке по городскому тротуару, никогда не нервничал. Только вот в гражданской жизни, в семейной жизни... И чаще всего нервничать ему приходилось как отцу...

Тогда, во время операции по захвату полевого командира боевиков Батухана Меченого и ликвидации его банды, дочь Александра Андреевича Татьяна лежала в больнице. Он устроил ее перед своим отъездом в командировку. Лечилась от наркомании. Почти вылечилась... Однако «почти» – это как раз и значит, что не вылечилась, потому что почти здоровый человек – это человек все-таки всегда больной...

Срывы были у нее и потом... Временные... Непродолжительные, которые удавалось вовремя остановить... То есть, как это называют врачи, купировать... А сейчас уже не срыв... Сейчас уже все гораздо хуже... Конечно, всем родителям свойственно не верить в вину собственных детей, и Разину тоже хотелось найти оправдание дочери, хотя он не признавал в такой ситуации сакраментального «Я не верю... Она не могла...» Наверное, смогла, как ни прискорбно это признавать...

Конечно, когда дело станет известным, это не может не ударить по репутации самого подполковника. Может быть, даже придется в отставку уйти. Самому... Никто, конечно, принуждать его не будет... Но он уйдет... Чтобы мундир не позорить... Стыдно ему будет, и он уйдет... Но это сейчас волновало мало... Об этом можно будет потом поволноваться, и потом же решить, как себя вести... Сейчас другое било, и било больно... Било настоящее и близкое...

Последние полгода дочь жила гражданским браком, как это сейчас называется, с азербайджанцем Рауфом, мелким бизнесменом. Рауф казался Александру Андреевичу в общем-то добрым парнем, с покладистым характером, а национальность для подполковника значения не имела, поскольку за годы службы он видел рядом с собой офицеров разных национальностей,

⁶ Действие романа «Риск – это наша работа».

и они не раз ему спину прикрывали, как и он им. Еще во времена Советского Союза... Сейчас что-то изменилось... Сейчас чья-то умелая рука невидимо и ловко, на уровне циркового фокусника, дирижирует сознанием людей, и даже дочь жаловалась, что подруги от нее отвернулись, когда она стала с Рауфом жить... Люди другими стали... Люди стали ненавидеть других за иную национальность, за иной цвет кожи, за иное вероисповедание... Появилось то, что вообще никогда не было свойственно русским людям. Появилось, и прививается мастерски...

И вот такое сообщение... Лучше бы, конечно, Татьяна никогда этого Рауфа не встречала...

Дочь арестовали вместе с мужем как распространителей наркотиков...

* * *

Связавшись с начальником оперативного отдела, доложив по телефону ЗАС о прибытии группы на базу, подполковник Разин запросил РОШ о дальнейших планах, поскольку время командировки группы заканчивалось через день, но уже не раз случалось, что командировка затягивалась, когда подваливали срочные мероприятия, в которых без спецназа ГРУ обойтись никак, в соответствии с замыслами командования, не удавалось. Правда, в последнее время в Чечне обстановка более-менее нормализовалась, если можно назвать нормализацией отказ от открытого противостояния. Тем не менее Разин хотел бы знать, к чему группе готовиться. Ответ удовлетворил его – ничего экстраординарного не предвидится, и спецназовцы могут собираться на отдых. Так и сказали, что на отдых... *Только* на отдых... Потому что после отдыха придется вернуться сюда же, в надоевшую уже Чечню. Но надоела она или не надоела, а опыт конкретной обстановки и знание реальной действительности офицеров группы отбрасывать нельзя, и потому придется здесь еще долго работать...

На крыльце штаба подполковник остановился в раздумье. В принципе, он мог бы позвонить себе сейчас позвонить в диверсионное управление ГРУ и договориться о том, что по семейным обстоятельствам на день сдаст дела своему заместителю майору Паутову, на которого положиться можно всегда, а сам сразу же домой отправится. Имея в виду именно такой вариант, Разин и не отпустил сразу БМП в батальонный гараж. Мало ли, будет оказия, и тогда придется срочно добираться до Ханкалы, чтобы вылететь с попутным рейсом. Попутных рейсов всегда много... Но в душе жило какое-то непонятное беспокойство, которое не позволило ему сейчас же прибегнуть к этому варианту. Конечно, домой следовало уехать как можно быстрее. Что там сейчас происходит, в каком состоянии жена, чем можно дочери помочь – все это грызет и торопит с отъездом. Но грызло и что-то другое. И, только подойдя к торцу здания казармы, подполковник Разин, заметив квадратные плечи майора Паутова рядом с БМП, понял, что держит его здесь. Вернее, не понял еще полностью, что зреет где-то в недрах его подсознания, но догадался, с чем связана его теперешняя непонятная нерешительность...

Для него сейчас, в состоянии нервного напряжения, одно только слово «наркотики» было равнозначно команде «огонь». Именно так он и почувствовал себя, когда выслушал сообщение долгоязого майора Яковлева. Захотелось или за оружие немедленно взяться и срочно начать исполнять что-то редкое, решать кардинальное, и решать очень жестко, или вообще отодвинуться, отстраниться от всего происходящего рядом из опасения, что может и бед натворить потому, что в голове смешиваются понятия личного и общественного... Там, дома, – наркотики и дочь в тюремной камере... Здесь – наркотики и самоуверенный чеченец в плену у спецназовцев. Но даже при том, что сам подполковник Разин был очень далек от всех дел, связанных с наркотиками, он понимал, что шестьдесят килограммов героина стоят, пожалуй, добрый десяток миллионов долларов. По крайней мере, около того... С такими суммами работают только очень богатые люди, которые наживаются на чужой беде.

Которые на чужой смерти наживаются...

Которым пощады он бы лично не давал, и даже до суда бы их не доводил...

Если отвлеченно посмотреть на это дело, то можно поставить на одну ступеньку дочь подполковника Разина Татьяну, чуть-чуть взбалмошную, не всегда уравновешенную, когда-то своевольную чаще в меру, чем сверх меры, но потом просто потерявшуюся в жизни молодую женщину, и этого чеченца. Они одним делом, выходит, занимались... Они наркотиками торговали... Только уж в этом-то вопросе Александр Андреевич мог свою точку зрения отстаивать до конца, Татьяна никогда не была жадным человеком, и не чувство наживы толкало ее на такое занятие... Те, кто занимается этим ради наживы, сами никогда наркотики не употребляют. Разин слышал, что главные распространители наркотиков в России – цыганские семьи. Но наркоманы среди цыган – большая редкость. Они только продают, чтобы самим хорошо жить. Смерть продают... И даже не считают, может быть, что убивают своих покупателей... Зная положение вещей, он никогда ни копейки не дал бы попрошайке цыганке, зная, что потом эта копейка обернется в наркотики...

Сам вот этот чечен, которого майор Паутов куда-то уже, похоже, определил на временное проживание, сам он наверняка наркотой тоже не балуется... Он других к этому приучает... Косвенно, через десятки посредников, но приучает... Приучает таких, как Татьяна... Один негодяй убедил попробовать... Ради моды... Из-за дури... Потом во второй раз и в третий, а в четвертый ей и самой захотелось... Она так и не назвала отцу человека, приучившего ее к наркотикам... Он сам поиски не предпринимал, не желая огласки и шума... Хотел, но жена уговорила ничего не делать... Лена репутацией семьи дорожила... Вот и результат, вот и додорожила... И кончилось все тем, что и сама Татьяна стала других «уговаривать попробовать»... Это в понятии подполковника Разина уже было преступлением, а за преступление следовало отвечать...

И при этом он понимал, он уверен был, что Татьяна занималась распространением наркотиков только для того, чтобы самой иметь возможность всегда получить «дозу». Наверное, и Рауф такой же... Хотя с Рауфом еще следует разобраться... Но бороться только с мелкими распространителями наркотиков – это значит вообще не бороться с наркоманией... По большому счету, во всем, что с Татьяной произошло, виноваты крупные поставщики... Такие, как этот чечен... С ними бороться следует... Беспощадно... Отвернувшись от закона... Уничтожать... И каждый человек должен иметь право на уничтожение подобных тварей...

Не домой, наверное, сейчас надо спешить... Не домой... Подполковник Разин понял это. И не Татьяну сейчас следует спасать... Спасать сейчас следует многих других, будущих, кто уже готов занять место Татьяны...

2

Дверь была распахнута, и свет кривым прямоугольником ложился под ноги на чисто выметенный асфальт тротуара. Проход никто не закрывал. Офицеры спецназа даже в мирной обстановке инстинктивно продолжают оставаться теми же спецназовцами, и стоят рядом, но в темноте. Даже зная, что здесь некому выстрелить со стороны, не подставляются...

Подполковник Разин кивнул майору Паутову, приглашая за собой, и прошел в дверь.

– Товарищ подполковник, – окликнул его старший прапорщик Радимов, чувствующий себя здесь так, словно застрял на оживленном перекрестке. – Что с машиной делать?

Разин остановился, но думал над ответом недолго.

– Заправься и боекомплект пополни...

– А потом?... – не понял старший прапорщик.

– Сюда же... Чуть позже я скажу...

Еще минуту назад Разин думал о том, что БМП следует отпустить в гараж. Хотя сам для себя еще не определился, как быть, и стоит ли звонить в диверсионное управление ГРУ, чтобы

договориться о срочной поездке домой. Но отдал такой неожиданный приказ и только после этого подумал – зачем? Но так и не понял сам, зачем это сделал. Впрочем, что случайностей не бывает, подполковник знал давно. Кроме того, даже если сегодня ехать никуда не придется, БМП все равно должна стоять заправленная и готовая по тревоге выехать.

В помещении у командира группы была своя маленькая штабная каморка, громко именуемая канцелярией. Это потому, что кровать здесь поставить было некуда. Только письменный стол, пять стульев и металлический шкаф, заменяющий сейф, хотя даже полноценный сейф подполковнику был здесь не нужен.

Разин сел за письменный стол, тяжело облокотившись обеими руками на столешницу. Майор Паутов выбрал стул покрепче и сел на него. Подполковник долго молчал, даже не погруженный в свои думы, а пытающийся сосредоточиться, чтобы привычно расставить все составляющие ситуации по своим местам и сделать общее положение вещей ясным и понятным. Это, однако, не получилось сразу, потому что не хватало какого-то звена, чтобы собрать все мысли воедино и выстроить цепочку рассуждений логично. Но Разин понял, какого именно звена недостает.

– Где твой поклонник «Роллс-Ройсов»?...

– Картошку ест... – невозмутимо ответил майор.

– Откармливаешь на убой? – Подполковник тоном показал неодобрение. Он бы такому пленнику с большим удовольствием засунул бы в рот нераспечатанную упаковку героина. И еще кое-куда такую же упаковку... Для симметрии...

Майор неодобрением не смутился.

– Сырую... С нее только склероз заработаешь...

– Не понял...

– В столовой... В продуктовый подвал его посадил. Больше посадить здесь некуда... Зиндан⁷ выкопать не успел...

– Притащи-ка его ко мне на разговор, пока у нас его не забрали...

– Забрать должны?

– Требуют, чтобы доставили его в Грозный как можно скорее... В республиканском ФСБ знают, что это за птица... Но обращаются через ментов из Железнодорожного, сами нас почему-то найти не смогли, что ли... Или мы прячемся?...

– Допрашивать будем? – Майор Паутов встал, готовый за пленником отправиться.

– Поговорить хочется... По душам... Это не боевик... Это местный наркобарон...

– Очень приятно... Надо было на месте расстрелять... Боевика хотя бы уважать можно, а этого... – Паутов внимательно посмотрел в наполненные болью глаза подполковника. – У тебя неприятности какие-то?

– Неприятности... – признался Разин.

– Опять дочь?

– Опять... Ее арестовали вместе с мужем за распространение наркотиков... – Майор был надежным человеком и хорошим другом, которого даже обманывать было стыдно.

– Понял... – Паутов несколько секунд подумал, потом показал, что он в самом деле все понял, и друг он в самом деле хороший, готовый взять на себя заботы по обеспечению спокойствия командира. – А ты знаешь, что в подвалах могут всякие газы выделяться... Метан, бутан, пропан или еще что-нибудь... И пленник наш запросто задохнуться может...

– Не надо... – сказал Разин. – Я хочу с ним поговорить... Приведи...

– Если что, я могу и подождать... – Паутов крутыми плечами пожал и вышел, в дверях еще раз оглянувшись на командира...

⁷ Зиндан – у мусульманских народов Средней Азии и Северного Кавказа – глубокая яма, используемая в качестве тюрьмы.

* * *

Разин даже не задумывался над тем, зачем ему нужен этот допрос, если через день истекает срок командировки в Чечню. Впрочем, он привык работать до конца. И даже если час оставался бы до окончания командировки, подполковник свою работу все равно выполнял бы так, как будто командировка только что началась. Правда, в данном конкретном случае это была не совсем его работа. Наркотики – не его забота как командира отдельной мобильной офицерской группы спецназа ГРУ... В ФСБ есть целый отдел, который занимается наркотрафиком, есть в Грозном и комитет по контролю за оборотом наркотиков. Нынешний пленник спецназовцев – человек того круга интересов. А спецназу полагается боевиками заниматься, которые хотя и перешли на новый уровень деятельности, то есть в подполье забрались и исподтишка стреляют в спину, но все еще существуют...

И тем не менее, почувствовав связь между происходящим дома и свою вину за дочь тоже ощущая, за то что она, сама став наркоманкой, и других к этому приобщала, подполковник пока только краешком, без активных действий, начал входить в это дело. И первым шагом, естественно, должен был стать допрос...

Паутов привел пленника и подтолкнул того с порога к стулу. С одной стороны, это выглядело вежливо, потому что чечена молча попросили присесть. С другой стороны, чечену не понравилось, как ему показывали направление движения, и он через плечо посмотрел на Паутова чуть ли не с возмущением.

Разин помнил, как в самом начале, попав в плен, вытасканный почти из-под сиденья машины, перепуганный было человек вскоре попытался своим видом показать, что он птица не простого полета и требует к себе особого отношения. Но подполковник хорошо отличал естественное достоинство человека от напыщенности. Тот же полевой командир Батухан Меченый, попав в плен, вел себя с большим достоинством, и к нему все офицеры группы относились уважительно. Нынешний же пленник такого впечатления не производил, хотя временами старался показать себя значимой фигурой.

– Ты кто такой, урод, будешь? – сразу поставил Разин пленника на место, одним обращением показывая, какого отношения к себе тому следует ждать.

– Завтрашний день покажет, кто из нас урод... – возразил чечен, не поглядывая, а постреливая глазами по сторонам.

– До завтра дожить надо... – ни к кому конкретно не обращаясь, заметил майор Паутов, аппетитно позевывая, усаживаясь на стул. Теперь уже на другой, потому что его стул занял пленник.

Чечен слова майора справедливо принял в свой адрес.

– Завтра уже я буду на свободе, а с вас спросят за самоуправство...

– И за шесть десятков килограммов героина спросят тоже? – лениво поинтересовался подполковник.

– Нашли все-таки... – Чечен, кажется, не сильно расстроился. – И героин мне завтра вернут... В этом можете не сомневаться... Не в первый раз такое...

Разин хотел было сомнение проявить, но не проявил, потому что хорошо знал местную обстановку и понимал, что пленник, возможно, говорит правду. Если уж осужденные однажды лет на двадцать за многочисленные убийства палачи через год каким-то образом на свободе оказывались, то что уж говорить о каком-то наркобароне...

Тут и дверь после короткого стука открылась, и в проем заглянул капитан Решетников.

– Товарищ подполковник, вас спрашивают...

Из-за плеча капитана выглядывал высокий чечен в «камуфляке» без погон. Решетников посторонился, и пришелец шагнул за порог.

– Я же говорил... – обрадованно воскликнул пленник. – И даже не завтра, а сегодня... А завтра вам всем подзатыльников навесят... Сполна...

И он только теперь почесал свой синеватый лоб, а потом и нос пальцами ощупал.

– Что вы хотели? – поинтересовался Разин у гостя, совершенно не обращая внимания на слова пленника.

– Добрый вечер всем. – Гость широко улыбнулся, показывая ослепительно белые зубы, контрастирующие со смуглым лицом. – Подполковник Разин?

– Я... Слушаю вас...

– Капитан Ханкаев, республиканское управление ФСБ... – представился гость. – Я за вашим пленником прибыл... Мне необходимо немедленно доставить его в Грозный...

– Документы, пожалуйста... – попросил Разин хмуро. Что-то ему в этой ситуации не понравилось, но он еще не мог точно сказать, что именно. Хотя не понравиться могло уже одно то, что пленник был знаком с капитаном и откровенно ему обрадовался.

Капитан положил перед подполковником, впрочем, не передавая в руки, а только показывая и рукой придерживая, служебное удостоверение оперативного уполномоченного ФСБ.

– А остальное? – прочитав удостоверение, спросил Разин.

– Что – остальное? – не понял капитан.

– Документы, подтверждающие, что вы уполномочены принять у меня пленника... Не знаю точно, что там должно быть... Предписание, ордер или еще что-то...

– Ничего быть не должно... – вдруг резко, сбросив с лица улыбку, сказал капитан.

– В таком случае вы ничего и не получите... – спокойно, не вступая в перепалку, сказал, просчитав ситуацию, майор Паутов. Поскольку договориться два спецназовца не могли, так как не знали заранее о приезде капитана, это выглядело убежденностью обоих в своей правоте, и не каждый мог сообразить, что эта «убежденность» является следствием многолетней сработанности офицеров группы.

Капитан растерялся, не зная, что сказать, потому что не привык к подобному приему. И сам пленник попытался встать, лицом показывая возмущение таким самоуправством залетных спецназовцев, не понимающих местные реалии, но тяжеленная рука майора только слегка хлопнула пленника по плечу и прессом придавила к стулу. Чтобы встать под такой рукой, нужно хотя бы пару лет ежедневно тратить по паре часов на тренировки в приседании со штангой...

– Вы еще что-то хотите, капитан? – спросил подполковник.

– Я хочу пленника забрать... – Но уверенности голос капитана уже не показывал.

– Я вам уже объяснил. Я не вижу ваших на то полномочий...

– Я офицер ФСБ...

– А я офицер ГРУ. И это никак не меняет ситуации... Будут документы, будем разговаривать. На этом расстанемся, и *не мешайте нам проводить допрос, мы как раз начали обсуждать очень интересные темы...* – последние слова Разин выделил ударением. – Решетников! Проводи товарища капитана. До машины, чтобы на КПП лишних вопросов не задавали...

Последние слова откровенно давали капитану Решетникову задание, и капитан его понял. Он вышел вместе с Ханкаевым и вернулся только минут через пять. Все это время подполковник с майором, переглянувшись, молчали и допрос не продолжали. Растерянно поглядывал на одного и другого пленник, не понимающий, как так его не отдали в руки представителя ФСБ.

Решетников доложил:

– Джип «Чероки Либерти», новенький, ярко-синий, ждал за воротами... За руль сел сам капитан... Больше в машине никого нет... Перед отъездом позвонил кому-то по мобильнику... Поехал не в Грозный... Но поехал быстро... Я бы даже предположил, что он в сторону трассы отправился... Куда-то к Железнодорожному...

– Я тоже так предполагал... – сказал Разин и посмотрел на пленника. – Он должен в Железнодорожный поселок отправиться... Ты, урод, не расстраивайся... Не отдадим мы тебя на растерзание... Сами сожрем... Живьем...

Пыл чеченца, как показалось подполковнику, поубавился – просто он был не готов к подобному повороту событий, когда его, вопреки ожиданиям, не смогли вырвать из рук спецназовцев. Это уже само по себе несло угрозу.

– Хорошо, говоришь, на наркоте зарабатываешь? На «Роллс-Ройсе» едешь... – Тон разговора стал вдруг угрожающим, и пленнику показалось, что его сейчас начнут сильно бить.

– Я не говорил, что хорошо зарабатываю... – Он все же пытался взять себя в руки, продолжая гнуть ту же линию, но уже не так уверенно. – Но я зарабатываю достаточно... И все деньги вкладываю в развитие своей республики, в ее восстановление...

– Деньги от наркоторговли... – уточнил майор Паутов.

– Не важно, какие деньги... Они идут на благое дело... – Пленник, кажется, даже гордился своей работой.

– И потому, думаешь, тебя вытащат... – усмехнулся Разин.

– Я восстанавливаю то, что вы разрушили... И потому меня вытащат... – Но убежденности голос пленника уже не показывал.

– Может быть... – согласился Разин. – Может быть, и вытащат... Не буду спорить... Когда ты мне надоешь, я сам тебя отдам им...

Майор Паутов опять прочитал ситуацию, все понял в игре командира и продолжил, памятуя фразу, произнесенную подполковником специально для капитана Ханкаева:

– Но дальше пары километров от города не отвезут... Где-нибудь рядом с дорогой пристрелят... Или даже здесь, у нас в городке попытаются подстрелить... Такое уже бывало...

Пленник поднял удивленные глаза на подполковника, потом перевел взгляд на майора. Он не спрашивал, он просто ждал разъяснений. Но ждал их уже настороженно, с опаской...

– Товарищ подполковник не зря сказал этому капитану, что допрос дошел до обсуждения очень интересных тем... Ты сам слышал и даже не возразил... И капитан понял нас, как и следовало ему понять... А по дороге к машине еще и капитан Рославлев пару фраз добавил... – Ничего не ведающий капитан Рославлев стоял у двери, но добродушным кивком с удовольствием подтвердил сказанное. – Тебя пристрелят... Болтливых вообще не любят... А тех болтливых, кто много знает, всегда считают опасными... Поговаривают, что ты слишком много знаешь, для того чтобы жить и на «Роллс-Ройсе» ездить...

У пленника дрогнула, слегка подгибаясь, нижняя губа – верный признак серьезного испуга. Он сам, похоже, хорошо знал, что бывает с болтунами, и испугаться ему было отчего...

– Завтра позвоню, – сказал Разин. – Лучше сразу в окружную прокуратуру... Пусть забирают... Не захотят, в ФСБ отдам...

– Вас всех самих перебьют... – больше от бессилия и страха, чем от злобы, все-таки сказал пленник. – И ничего вы не докажете... И всю партию отобьют уже сегодня... Думаете, зря капитан Ханкаев в Железнодорожный поехал...

Разин встал. Встал и майор Паутов, понимая, что командир принял решение.

– Где старший прапорщик?

– Ждет команду...

– Поехали... В Железнодорожный... Полное вооружение... Не рейдовое, боевое...

Это значило, что спецназовцы в дополнение к обычному своему легкому снаряжению должны нагрузить себя ручным пулеметом, запасом мин, гранат, двух гранатометов «РПГ-7» и двух огнеметов «Шмель» с комплектом зарядов – ноша нелегкая... Исключение составляли только снайперы, которых нагружать никогда не рекомендуется, чтобы руки не уставали и не дрожали во время стрельбы...

Отправляться с таким грузом в дальний рейд невозможно. Одни мины готовы любые плечи обломать. Но, имея в своем распоряжении боевую машину пехоты, грех не использовать возможности техники...

* * *

Все-таки офицеры мотострелкового батальона не зря считали спецназовцев «вольными птицами» и желали чувствовать себя рядом с ними тоже почти вольными. Представители ни одной другой воинской части не могут так распоряжаться собственным временем и боевыми ресурсами, как спецназовцы. Больше никто в армии не может самостоятельно выбирать себе участок деятельности, кроме спецназа ГРУ. И никто не может отправиться на боевую, предположительно, операцию, не поставив в известность свое командование. Или даже не свое непосредственное, а хотя бы местное командование из РОШа...

Временно прикомандированные к спецназовцам старший прапорщик Радимов, механик-водитель и сержант-контрактник, наводчик-оператор Скобочкин, были не просто рады разнообразию в службе, но и легко выдерживали напряженный ритм работы спецназа, потому что считали за честь для себя войти в состав группы хотя бы на непродолжительное время. Пленного оставить в подвале столовой не решились. Его опять связали и забросили на прежнее место, которое не стало для чечена привычным только потому, что было не слишком, мягко говоря, удобным.

Перед выездом командир отошел в сторону и долго беседовал с кем-то по телефону. При чем сделал несколько звонков, как заметил майор Паутов. Наверное, домой все же позвонил... Наверное, и в диверсионное управление ГРУ. И куда еще? Еще он мог звонить только для того, чтобы выяснить что-то о ситуации вокруг такой большой партии наркотиков и навести справки о том, что представляет собой капитан Ханкаев... И в разведотделе РОШа должны были иметь данные о возможности бандитов в районе поселка Железнодорожный... Все закономерно и естественно. Без таких данных выступать с базы просто опасно. А внутреннее состояние подполковника, его отношение к местному наркобарону и наркоторговле вообще никогда не заставят Разина вовлекать всю группу в сомнительную операцию и подставлять ее под удар. И конечно, долговязому майору Яковлеву в поселок Железнодорожный позвонить следовало... Чтобы в темноте не принял спецназовцев за бронированных боевиков и не спалил гранатой БМП...

Наконец подполковник занял свое командирское место в башне. Даже башенный ПНВ⁸ сразу же проверил и убедился, что тот работает. О заряде батареи здесь заботиться нет смысла, потому что этот ПНВ обеспечивается питанием от аккумулятора БМП и от генератора двигателя. Так что рассмотреть, что их впереди ожидает, подполковник сумеет издали.

– Таксист, скорость на пределе... – приказал подполковник Разин. – В Железнодорожный должны доехать быстрее, чем ехали оттуда...

– Было бы приказание, товарищ подполковник, – согласился «таксист».

Двигатель заработал на небольших оборотах, подготавливая машину к трудному пути. Потом, едва выехали за слякбаум, обороты резко увеличились, хотя в городе ночью гнать с полной скоростью старший прапорщик Радимов не решался. Но город небольшой... Проехали до окраины быстро...

А дальше уже началась настоящая гонка...

Дорога в темноте, даже еще и только подступающей ночью, сильно отличается от той же самой дороги, уже знакомой по передвижению в светлое время суток. И потому при передвижении по такой дороге обычно встречаются две крайности. При первой водителю, как пра-

⁸ ПНВ – прибор ночного видения.

вило, тормозит даже там, где тормозить и не стоило, при второй, устав тормозить, он уже гонит без остановки и интересуется только поворотами, которые маячат где-то впереди. На дорогах Чечни движение вообще невозможно назвать интенсивным. А уж ночью дорога всегда пуста, и если кто-то встретится на ней, то только армейский транспорт, следующий по своим целям. Или машины боевиков, которые днем стараются на дорогах не показываться. Но старший прапорщик Радимов хорошо знал, что армейских передвижений в районе быть не должно, поскольку именно его батальон составлял здесь единственную федеральную силу. А если попадутся навстречу боевики, то это уже их забота – вовремя спрятаться, поскольку для боевой машины пехоты страшным может быть разве что столкновение с танком, которым боевики, естественно, не обладают.

Даже на блокпостах, расставленных по дороге, дежурили военнослужащие того же батальона. И потому, издали узнав свою машину, пропускали без проверки. Все знали, что именно эта машина закреплена за спецназом ГРУ, а контролировать передвижения военных разведчиков никто из мотострелков не собирался...

Потому ехали быстро, без задержек. Может быть, даже быстрее, чем ехали днем, хотя сейчас дорога полого поднималась, следовательно, разогнаться было сложнее. По крайней мере, всем казалось, что едут быстрее, потому что сейчас им хотелось достичь цели, тогда как раньше такой конкретной цели у спецназовцев не было...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Долговязый майор Яковлев выглядел озабоченным и не знал, как ему поступить...

Несмотря на внешнюю мягкотелость, в своей ментовской службе, особенно у себя дома, в Перми, он слыл и был человеком опытным и авторитетным и никогда не сомневался, когда предстояло действовать решительно. Сотрудник СОБРа и не может быть иным, иначе ему просто делать нечего в СОБРе. Более того, он даже, случалось, действовал так, как не решались действовать другие, и имел за это награды. Но вот в военной обстановке, а сейчас обстановка была откровенно военная, хотя война, как наивно поговаривали, уже закончилась, он слегка терялся. Выбор был не богат. Просматривалось всего-то два варианта, один хуже другого... Согласно первому, необходимо было устроить засаду в доме, из которого отстреливались днем боевики и где впоследствии был найден героин. Но никто не знал, какими силами пожалуйут в город бандиты, желающие вернуть себе достаточно дорогой груз. Если их будет много, то удержать дом в ночное время, когда ничего не видно, когда каждый куст, каждый камень будет укрывать и прятать того, кто подбирается скрытно, невозможно, имея такие ограниченные силы, которыми располагал майор Яковлев. Их просто накроют в этом доме из гранатометов, и все... И нет никакой надежды на благополучный исход обороны...

Понимая, что дело о большой партии наркотиков обязательно пойдет не через МВД республики, а только через ФСБ, он туда сразу и обратился. И попросил даже поддержку людьми. Поддержку пообещали, Яковлев ждал ее и даже приказал подготовить еще одну комнату в общежитии на случай, если поддержке придется задержаться, но время шло, а она так и не прибыла. Повторный звонок, после короткого разбирательства, прояснил ситуацию, и стало ясно, что ждать бесполезно, поскольку нет в наличии никаких резервов, а все силы задействованы в важной операции на территории соседней Ингушетии, где в населенном пункте обложили большую и хорошо вооруженную банду.

– Да чего вам бояться... До утра-то все равно со скрипом *продержитесь*... Утром конвой за порошком приедет... – почти успокоил майора дежурный по управлению, говорящий с таким сильным акцентом, что спокойствия этот акцент не приносил. – Оперативных сотрудников в конвой отправим, если больше некого будет...

Легко сказать – «*продержитесь*»... А как продержаться? Продержаться можно, по большому счету, только до подхода противника... Одна атака при явном численном преимуществе нападающих, скрытых к тому же темнотой, решит исход дела... И все...

И где держаться?...

Раз за разом долговязый майор Яковлев прокручивал перед глазами одну и ту же картину в двух вариантах, и каждый раз не находил для себя и своих сотрудников спасения. Засада, конечно, всегда хороша, насколько майор Яковлев понимал военное дело, которому практически обучен не был, потому что юристов учат обычно другому делу. Но что после засады будет? Ну, несколько человек «положить» они смогут. Потом бандиты, если их много, проникнут в дом и уже, в свою очередь, всех ментов «положат». И героин, естественно, захватят... Ради стоимости груза они готовы будут рисковать... Если же героин в отделение милиции перевезти, то там придется силы оставлять. А сил не хватает даже для защиты дома...

По логике, такое развитие событий следует сразу отвергать... Нет благополучного исхода – не стоит и возиться, не стоит и планы строить... Ищи другой вариант...

Майор Яковлев искал...

Согласно второму варианту, следовало и весь героин в отделение перевезти, и всем занять оборону там... Но там держать оборону еще хуже... Преимущество только одно – подходы простреливаются. Но простреливаются такие подходы, как известно, как в одном, так и в другом направлении. В доме хотя бы стены каменные и прочные, которые пулю остановят, да и выстрел гранатомета, если заряд не в окно угодит, выдержат. А угодит в окно, уложит тех, кто в комнате, но стены не свалит... А в отделении один выстрел из «РПГ-7» проломит шлакозасыпную стену, словно она бумажная, и обрушит крышу на головы защищающихся... Там вообще домишко такой, что от сигареты загореться может... Заживо их в отделении и зажарят... Есть, правда, перед входом два, грубо говоря, защитных укрепления из бетонных фундаментных блоков. За них залечь можно... По паре человек за каждым... Но тогда хватит гранаты, брошенной за спины защитникам. И все...

Но и совсем оставить отделение без присмотра тоже нельзя. Там не только документация, там еще и вся связь сконцентрирована. А связь может ночью очень понадобиться. Оставлять же кого-то на защиту отделения, самому отправившись в каменный дом, – это значит распылить силы и еще более ослабить свои позиции.

Долговязый майор Яковлев чувствовал себя человеком, брошенным на растерзание крокодилам. Ему хотелось без конца жестикулировать, размахивать руками, в надежде, что привычное поведение принесет в голову успокоительную мысль, но мысль не приходила. Оставалось только на помощь извне и надеяться. А помощь тоже не спешила. Даже дежурный родного МВД, плохо говорящий по-русски, в ответ на просьбу о подкреплении очень удивился, что ничего не знал о произошедших в Железнодорожном событиях. Хотя в ФСБ и обещали поставить республиканское Министерство внутренних дел в известность. Но скорой помощи и этот дежурный не пообещал, поскольку ментовские силы тоже были задействованы в Ингушетии. И только утром можно было ждать прибытия каких-то свободных сил. Но пока еще эти силы придут... Дежурный посоветовал хотя бы в РОШ обратиться...

Однако и новое обращение пользы не принесло. В РОШе долговязого майора отправляли решать все вопросы в МВД или в ФСБ, поскольку РОШ вопросами наркотрафика не занимался и вообще предпочитал всегда работать по плану... Дежурные всех трех силовых структур республики, по сути дела, отказались помочь ментам и предоставили им самим выпутываться из истории, в которую не они сами влезли, а в которую их вовлекли бандиты... Долговязый майор Яковлев никак не мог понять ситуацию, пока один из местных ментов, много знающий и все понимающий лейтенант Джабраилов не подсказал ему, что ситуация эта создается намеренно, чтобы майор Яковлев избавился от героина. Не выбросил, не в унитаз смыл шестьдесят килограммов – за это могут даже труп головы отрезать и родственникам посылкой отправить, а вернул тому, кто желает его получить... Обычное для всех кавказских республик дело, которое трудно понять прикомандированным...

– А РОШ?... – спросил Яковлев. – Эти-то не местные...

– Зажрались... Беспокойства лишнего не хотят... Может, правда вернуть? – предложил лейтенант. – Бандиты придут, сначала обязательно договориться попробуют... Это не боевики, это просто бандиты...

Вот тут в долговязом майоре взыграла ментовская кровь.

– Не обучен с бандитами договариваться... – решил он.

А кисти рук майора тем временем изображали какие-то непонятные фигуры. Но, должно быть, эти фигуры должны были показывать его решимость...

* * *

Долговязый майор Яковлев, сомневаясь в правильности своего решения, все-таки выбрал для обороны злополучный дом и собрался было уже отправить туда все силы вместе с грузом героина, который пока лежал в ментовском «уазике», когда его позвал к телефону дежурный.

– Кто? – Яковлев каждому звонку был рад, поскольку звонок мог обещать помощь.

– Подполковник Разин из спецназа ГРУ...

На этого-то подполковника надежды было меньше всего... Конечно, честь и хвала ему, что он так мощно и неожиданно вмешался в дневной затянувшийся бой, решив, по сути дела, его исход, но в дальнейшем подполковник слишком мало интересовался продолжением. Но все же Яковлев поспешил к телефону, поскольку надежда в человеке умирает только тогда, когда он сам уже не может дышать...

– Слушаю вас, товарищ подполковник...

– Майор, мы выезжаем к вам в поддержку. Возможно, раньше нас на месте появится некий капитан ФСБ Ханкаев и пожелает забрать у вас весь груз героина... Можете с ним не ругаться, а попросите документы на передачу груза... Не его личные документы, а именно документы на передачу груза... Без таких документов груз не передавайте... А лучше не передавайте вообще... По крайней мере, до моего приезда... Даже если он прибудет с конвоем... Конвой в этом случае будет из бандитов... Я так думаю... Мы уже выезжаем в полном составе... Еще – важное... О нашем скором приезде капитан Ханкаев знать не должен...

– Я понял... Спасибо, товарищ подполковник. Нам сейчас поддержка очень нужна. Ниоткуда помощи допроситься не могу. Ни из ФСБ, ни из МВД...

– И не допроситесь... Кому-то, видимо, надо, чтобы вас уничтожили, а груз забрали... Какие меры по обороне предпринимаете? Где будете держаться?

– Я думаю, в том же доме... У нас не хватает сил для охранения двух объектов, а отделение милиции как укрепление надежды не дает... Само строение старое и ненадежное... Стены шлакозасыпные... Их автоматная очередь прошьет...

– Я бы посоветовал вам все же заминировать дом... Они обязательно туда пойдут... Даже из простого любопытства, но, скорее всего, оттуда будут проводить разведку. Вероятно, дом сделают своей базой... Сможете установить радиоуправляемый фугас?

– Фугас у нас есть, и электрические взрыватели есть, нет системы управления...

– Сделать не сможете?

– У меня нет специалистов...

– Это просто... Сотовый телефон, и только один звонок...

– Мы не умеем...

– Ладно, мы должны успеть быстрее боевиков... Ждите нас в отделении... Снимите людей с блокпостов на въезде и выезде...

– Как? Оставить поселок без прикрытия?

– Это, майор, все равно не прикрытия... А людей потеряете... Бандитов, я думаю, будет немало... Замаскируйте где-нибудь свой БТР. Он должен ворваться в зону боя неожиданно и со стороны... Обеспечьте его средствами связи...

– Хорошо, товарищ подполковник. Связь есть... Обеспечим... Мы ждем вас...

Вот так, совершенно неожиданно, появилась надежда, что все наладится и завершение операции будет не менее успешным, чем ее начало. На спецназ ГРУ положиться всегда можно больше, чем на любой другой род войск. Кроме того, майор Яковлев чувствовал облегчение оттого, что вскоре приедет подполковник, то есть человек, имеющий звание выше, чем у него, кроме того, военный, специалист по активным боевым действиям. И ему самому уже не придется командовать, не придется принимать решения, когда он не знает, какое решение принять

лучше, и постоянно боится из двух зол выбрать худшее... Проще говоря, долговязый майор радовался, что ответственность перейдет к другому...

* * *

Часа через три с половиной после звонка подполковника Разина, когда ночь уже полностью вступила в свои права и в окна домов поселка погас свет, майор Ялаев первым услышал шум машины за окном, кивнул старшему лейтенанту Сулейманову, и, вооружившись, оба вышли на улицу. Сулейманов уже бронежилетом не брезговал, убедившись, что прикрывающие корпус каленые пластины из легированной стали действительно эффективны, и даже постоянно поддергивал свои доспехи, словно гордился ими. Дыры от пуль на обшивке бронежилета залатать он еще не успел, и они выглядели настоящими боевыми отметинами. Впрочем, такими они и были в действительности.

Майор Яковлев с автоматом в руках перешел к темному окну соседней комнаты и наблюдал, как два башкирских собровца выходят к бетонным блокам, чтобы встретить подъезжающий транспорт. У другого такого же темного окна занял позицию старший лейтенант Скобцев. На чердаке, за закрытым до поры до времени слуховым окном, устроился пулеметчик, готовый вступить в дело по первой команде об обострении ситуации.

Подъехал какой-то джип. Яковлев, всегда удовлетворяющийся в жизни только тем, что может иметь, а имел он в качестве собственного автомобиля лишь старенькую «копейку», плохо знал названия модных иномарок и затруднился бы назвать марку машины, тем более в темноте. Из машины вышел один человек, пожал руки Ялаеву и Сулейманову, коротко поговорил о чем-то, показал удостоверение, в которое Ялаев посветил фонарем, чтобы прочитать. Потом все трое двинулись к дверям.

Яковлев, оставив старшего лейтенанта Скобцева у окна караулить улицу, вышел в коридор, чтобы встретить гостя. Высокий красивый чеченец обаятельно улыбался и вел себя уверенно. Сразу представился и только после этого прошел следом за Яковлевым в угловой кабинет. Там из окна выглянул. Как раз недалеко от окна второй железобетонный блок стоял, а за блоком автоматчик уже лежал. Следил за боковой улицей и за сквером, прилегающим к зданию поселковой администрации.

– Круговую оборону заняли... – одобительно сказал капитан.

– Заняли... – подтвердил Яковлев. – Людей только вот для круговой обороны маловато. Пришлось даже с блокпостов снять, и все равно мало...

– Блокпосты вы зря оголили... – сказал Ханкаев, словно он контролировать действия ментов приехал. – Это уже угроза поселку...

– Обстоятельства... – развел руками майор.

– Но, в принципе, вам уже оборону занимать больше надобности не будет... Я у вас груз заберу...

– Вот обрадовали! – воскликнул Яковлев. – Прямо на своем джипе и повезете?

– Я быстро езжу... За мной не угнаться... К тому же кто знает, что я повезу?...

– Надо бы охрану...

– Да, я хотел у вас пару человек попросить... Утром отправил бы их попутным транспортом назад... Охрана все-таки нужна... – согласился капитан.

– У меня возможности такой нет – пару человек выделить... – возразил Яковлев.

– Но если здесь героина уже не будет, то...

– А кто бандитам сообщит, что его здесь нет? – В логике майору отказать было трудно. – С героином ли в наличии, без него ли, а осаду нам все равно придется выдерживать...

– Это верно... – Капитан Ханкаев такими доводами обескуражен не был. – Придется рисковать и одному ехать...

– Вот уж не советовал бы... Может, до утра у нас останетесь? – предложил майор. – И нам лишний ствол не помешает...

– Утром я должен быть уже в Грозном... Ладно. Давайте будем грузить...

– Документы мне предоставьте... – между делом сказал Яковлев.

– Какие документы?

– На передачу партии героина...

– Да какие тут документы могут быть... Вы что, пленника спецназовцам тоже по документам передавали?

– Я не передавал... Они сами его захватили... Это их пленник...

Ханкаев всю свою приветливость потерял.

– Что вы тут за бюрократию к нам из России завозите... Одни пленника без документов отдавать не желают, другие героин отдать не желают... Я веду следствие по этому делу... Это мои вещественные доказательства... Вы понимаете это? Как сотрудник милиции, вы обязаны знать такие тонкости...

– То есть вы хотите сказать, капитан, – долговязый майор Яковлев, до этого вежливый, почти услужливый, проявил вдруг твердость даже в голосе, – что документов на передачу груза у вас нет? Я правильно вас понял?

– Да никогда мы никаких документов в подобных делах не оформляем. Я просто утром отвезу груз на уничтожение, и все... Составим акт и забросаем все мешки в топку ТЭЦ...

– Тогда давайте здесь акт составим и забросаем их в нашу печку... – предложил Яковлев. – Печку растопить недолго...

– У нас нет права на уничтожение...

– А у меня нет права передать вам груз по вашему требованию... – твердо сказал майор.

– Но вы же подвергаете груз опасности. Боевики могут захватить его...

– Здесь он в большей безопасности, нежели в вашей машине... Поверьте мне... Я вам предлагаю вернуться утром с документами, и тогда не будет никаких проволочек. Мы передадим груз. Если будет прямая угроза его потери, мы всю партию героина взорвем... Груз уже заминирован... Советую вам поторопиться... Бандиты могут прийти не ночью, а завтра днем... Вам бы лучше успеть съездить в Грозный и вернуться с документами... И с соответствующей охраной... Такой груз надо хотя бы в сопровождении БТРа отправлять... А лучше вертолетом...

Капитан махнул рукой, понимая, что забрать партию героина ему не удастся, сказал что-то по-чеченски, причем фразу длинную и, заметно было, экспрессивную – ругался, похоже, хотя ругаются чечены чаще по-русски, потом, круто развернувшись, пошел к двери...

* * *

Пора бы по времени было уже и подполковнику Разину со своей командой объявиться. Но лязга быстрых гусениц БМП, сколько долговязый майор Яковлев ни выходил на крыльцо, он уловить в ночной тишине не смог.

В очередной раз они вышли к порогу втроем. Яковлев даже за порог, а майор Ялаев со старшим лейтенантом Сулеймановым в дверном проеме застряли. Курили там и не хотели, чтобы огонек сигареты притянул со стороны пулю.

– Двадцать три сорок... Многовато... Может, этот суровый подполковник сгоряча бухнул, а потом передумал? – глядя на часы, спросил старший лейтенант Сулейманов. – Он еще днем спешил побыстрее отсюда убираться...

– Или его отговорил еще более суровый майор... Тот... С плечами... – добавил майор Ялаев. – Кому нужен лишний груз на плечи взваливать... Даже на такие плечи, как у этого майора... Посовещались и вернулись...

– Груз никому не нужен, согласен, но я не отговаривал командира, как и не уговаривал... – вдруг раздался голос из-за угла.

До угла два шага. Оттуда вышли капитан Ростовцев и майор Паутов.

– Как так вы?... – растерялся долговязый майор Яковлев и в растерянности даже вопрос до конца выговорить не смог.

– Пешком... – сказал подполковник Разин, выходя из-за другого угла со старшим лейтенантом Парамоновым, который на ходу просматривал недалекий сквер через ночной прицел «винтореза». – Кое-где ползком... Часовые ваши, можно сказать, спят, видят подходящих только с двух метров, пора, значит, им на пенсию... Но вас, к счастью, пока еще полностью не окружили. Хотя разведчики боевиков уже прошли по периметру и блокировали одну из улиц. Сейчас, должно быть, докладывают своим командирам будут... Мы их пока не тронули, никуда они не денутся. Пусть доложат и пусть вместе соберутся в большем количестве...

Яковлев сразу посерьезнел и даже покраснел за своих часовых. Действительно, армейской выучки даже на посту менты никогда не показывали. Ни местные парни, ни прикомандированные...

– Они уже... – начал он, имея в виду боевиков.

– Они здесь... Как я и предполагал, в качестве базы выбрали тот самый дом, который я предлагал вам заминировать. Вы не захотели, хотя сразу бы упростили себе ситуацию, уничтожив всю руководящую верхушку банды и на треть уменьшив общую численность.

Это был укор профессионала непрофессионалу, взявшемуся выполнять обязанности профессионала. И потому укор не был слишком жестким.

– Желания не всегда совпадают с возможностями... – ответил долговязый майор Яковлев известной крылатой фразой.

Подполковник Разин показал, что с крылатыми фразами он тоже знаком:

– Кто хочет дело сделать, ищет пути, кто сделать не хочет, ищет отговорки... Итак, майор... У нас с вами обстановка не слишком перспективная, и потому она требует единоначалия. Командовать операцией желаете, как я понимаю, вы? – Вопрос прозвучал вовсе не в утвердительных тонах. И командир группы спецназа ответ, кажется, знал заранее.

– К сожалению, я не военный, – Яковлев руками развел. – И с удовольствием уступлю право командования специалисту, кроме того, старшему по званию.

– Резонно, – согласился подполковник. – В таком случае пройдем в помещение, которое вы посчитали непригодным для обороны... Есть там комнаты без окон?

– Дежурка... – ответил Яковлев. – И камеры...

– И женщин там нет... – сказал конченный бабник Парамонов.

– При чем здесь женщины? – не понял Яковлев.

– Не обращай внимания, майор. – Приняв командование, подполковник перешел на «ты». – У нашего снайпера присказка такая...

Он двинулся вслед за ментом в небольшую комнатку и сразу нашел стол, за который сел, показывая, что он теперь местный начальник. Хотя бы начальник на время.

– Карту поселка надо...

Яковлев сразу вытащил планкарту из планшета и раскрыл перед подполковником.

– Вот здесь – мы... – ткнул пальцем.

Разин склонил голову, всматриваясь в очертания улиц и кварталов, но тут, видимо, получил какое-то сообщение по «Подснежнику», прижал наушник пальцем к уху и посмотрел на офицеров своего окружения.

– Я – Волга, понял... Значит, Бакенщик, делаешь так... Точно это пришел последний? Их всего четверо было... Хорошо... Я понял... Рассчитай время... Сколько он там говорить будет... После этого звони... Но не торопись... Они могут по комнатам разойтись... Надо,

чтобы вместе собрались... Потом уже накройте всех, кто рядом... Плотно... И направляйтесь к скверу, но близко не подходите... Потом я дам ориентиры...

Майор Паутов несколько раз кивнул, соглашаясь с командиром, словно слышал разговор и все понял. Впрочем, он его, наверное, слышал, как понял Яковлев, потому что Паутов имел точно такой же наушник в ухе и микрофон около рта. Капитан Ростовцев со старшим лейтенантом Пармоновым вообще никак не реагировали на сообщения и приказы командира, хотя тоже должны были все слышать. Только менты разговор не слышали, и потому не поняли, о чем речь идет. Но сам подполковник, только что картой заинтересованный, смотрел уже не на нее, а на часы. Точно так же, как и его офицеры. И только через две с небольшим минуты со стороны кварталов частных домов донесся гулкий и долгий звук сильного взрыва. Ночью подобные звуки особенно хорошо слышны, и не только потому, что темнота способствует техногенной тишине, но и потому, что ночью человеческое ухо работает, оказывается, по-другому, в особом нервном режиме. Долговязый майор Яковлев недавно читал об этом. И потому сейчас от звука взрыва вздрогнул.

– Вот так, – сказал майор Паутов. – Количество противников сократилось на треть, как мы и обещали... А треть – это много... Двадцать человек должно было накрыть... И почти всех командиров... Кто у них теперь старшим, интересно, станет?

– Я думаю, капитан Ханкаев... – сказал Разин. – Он наиболее авторитетный и авторитарный из всех оставшихся... Другие ему подчинятся... Он сейчас, кажется, на заблокированной улице находится...

– Ханкаев с ними? – переспросил Яковлев.

– С ними... – подтвердил подполковник. – И шестеро ментов из соседнего городка.

– Вот это ничего себе, – заулыбался майор Ялаев. – Мы что, против всей Чечни воевать будем?

– Мне все равно, против кого воевать, – ответил Разин холодно и поднял на Яковлева бесстрастный взгляд. – Я знаю только главное – за что я воюю и за кого... В данном случае мы воюем за Россию и россиян. В том числе и за многих чеченцев. Но для ясности могу объяснить, что против нас выступают представители двух влиятельных тейпов⁹... Вне зависимости от занимаемой должности они будут поддерживать своих. И у них такие большие связи наверху, что нам будет чиниться непривычно много препятствий. Прошу всех быть к этому готовыми...

2

Спецназовцы вошли в поселок Железнодорожный тихо и пешком как раз в то время, когда менты беседовали с капитаном Ханкаевым. Свою БМП вместе с механиком-водителем Радимовым и наводчиком-оператором Скобочкиным оставили на въезде в поселок рядом с дорогой, обеспечив связью, и приказали мотострелкам быть готовыми по первой же поступившей команде на скорости ворваться на улицы. Старший прапорщик Радимов в ответ на вопрос подполковника готов был поклясться, что расположение улиц помнит и сумеет сориентироваться. Но ориентироваться в основном предстояло по звуку стрельбы и взрывам, которые будут неизбежно слышны. Поэтому наводчику-оператору обязательно нужно держать верхний люк открытым. Одновременно мотострелкам приказали присматривать за пленным, и если он вздумает покричать, позвать кого-то на помощь, следовало помочь ему молчать как можно громче. Приклад автомата вместо кляпа вполне может подойти... Объяснялось все громко, чтобы и пленник слышал и иллюзий не питал...

Эту задачу взялся выполнить сержант-контрактник. На него положиться, кажется, было можно. В дневном бою он зарекомендовал себя с наилучшей стороны. А обычно бывает так,

⁹ *Тейн* – родоплеменное объединение у народов Северного Кавказа.

что если человек ответственен в одном, он и в другом не подводит. Разин оставил машину со спокойной душой...

Боевиков, приход которых был неминуем, военные разведчики опередили, но ненамного. Однако все же успели до их появления общими усилиями заминировать дом, который менты днем брали штурмом. Причем взрыватель присоединили к мобильному телефону вынужденно ставшего «щедрым» капитана Решетникова, надеявшегося, что ему в это время звонить никто не будет, иначе контакты замкнутся раньше и взрыв окажется преждевременным. Только после этого группа разделилась, чтобы контролировать возможно больший участок. Капитан Юрлов вместе с капитаном Решетниковым и радистом группы лейтенантом Стоговым остались наблюдать за заминированным домом, чтобы произвести взрыв с наибольшей пользой. Двое – лейтенант Сокольников, второй штатный снайпер группы, и лейтенант Сосненко, специалист по скрытному передвижению под носом у противника, вышли в разведку в окружающие отделение милиции кварталы, но, главное, с тем, чтобы проверить на возможность концентрации сил сквер у здания поселковой администрации. Это место казалось Разину наиболее удобным для подготовки к атаке. Сам подполковник Разин с тремя оставшимися в наличии спецназовцами пошел на разведку более глубокую, рассчитывая впоследствии соединиться с ментами, чтобы поддержать их своими стволами. Но на боевиков спецназовцы наткнулись почти сразу – те уже начали выдвижение. В передовой группе было около двадцати человек. А что это только передовая группа, стало ясно уже по общению боевиков с кем-то при помощи переговорного устройства ограниченного радиуса действия. Очевидно, здесь же были и руководители банды, судя по тому, как активно они отдавали распоряжения. И шли, как оказалось, напрямую к заминированному дому, не слишком заботясь о маскировке. Должно быть, знакомая обстановка казалась им надежнее, нежели устройство где-то в новом месте. «Подснежники» в поселке работали исправно – здесь нет экранирующих гор или свойственных большому городу помех в эфире, и Разин вовремя предупредил свою засаду, что бандиты приближаются. Сам же отследил и разведчиков, которых передовая группа оставила, чтобы осмотреть окрестности отделения милиции. Этих разведчиков было четверо, и каждый осматривал одну из сторон. Снять их было проще простого, потому что, едва выйдя из зоны просмотра окон отделения, бандиты переставали прятаться. Но Разин предпочел пока не беспокоить боевиков и не настораживать их главарей. Все равно данные разведки не должны были выйти за пределы полуразрушенного дома. А если и выйдут – беда небольшая, даже сами менты еще не подозревали о присутствии в поселке спецназа ГРУ, что же тогда о боевиках говорить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.